

исторический роман

Владимир Коломиец

❧ От Терека до Карпат ❧

12+

Владимир Коломиец
От Терека до Карпат

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2012

УДК 82.32
ББК 84 (2 Рос)6

Коломиец В.

От Терека до Карпат / В. Коломиец — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2012

ISBN 978-5-903463-95-4

В своем новом историческом романе «От Терека до Карпат» Владимир Коломиец, автор книг «Штурм Грозного. Анатомия истории терцев» и «Терское казачество. Вспомним, братцы, про былое...» и других, продолжает знакомить читателя с малоизвестной широкой публике историей казачества. Данный роман охватывает сравнительно небольшой, но насыщенный событиями мировой значимости отрезок времени – от начала Первой мировой войны до революции 1917 года. Автор представляет читателю события этой эпохи с непривычной стороны: участие казаков-терцев в истории начала XX века до сих пор не уделялось должного внимания. Увлекательный сюжет, красочные образы и живой язык делают книгу интересной любому читателю, увлекающемуся историей своей Родины.

УДК 82.32
ББК 84 (2 Рос)6

ISBN 978-5-903463-95-4

© Коломиец В., 2012
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2012

Содержание

Вместо предисловия	6
Берлин – Роминтен	6
Вена	10
Петербург	13
Часть первая	18
Глава I	18
Глава II	22
Глава III	29
Глава IV	41
Глава V	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Коломиец

От Терека до Карпат

В оформлении обложки использован фрагмент картины Андрея Ляха «Гулевая вольница».

Вместо предисловия Политическая прелюдия 1912–1913 годы

Берлин – Роминтен

Жители Берлина впадали в оцепенение, когда по его улицам проезжал экипаж Вильгельма II.

– О, это наш кайзер следует во дворец из своей резиденции! – говорили друг другу каждое утро лавочники, приказчики, владельцы «гастштедтов», расположенных от Потсдама до Унтерден-Линден. Они принимали стойку «смирно», пока «мерседес» на высоких колесах с тонкими белыми шинами, в окружении охраны, не промчится мимо.

А дворец монарха располагался в самом центре этого закопченного города, на острове между Шпрее и ее протокой. Здесь, в мрачном здании прусских королей, вызрел и оперся на железные когти пангерманизм, требовавший мирового господства Германии, передела карты Европы и колоний европейских держав в пользу империи Гогенцоллернов, в пользу германских промышленников и банкиров.

Своим главным противником и злейшим конкурентом пангерманисты не без оснований считали Великобританию. Другой стратегической идеей, осенявшей все шовинистические построения и лозунги, был «Дранг нах Остен»¹. Уже тогда демагогические призывы «оградить Европейский континент от русских стремлений к мировому господству», «обеспечить культуртрегерскую миссию немцев и австрийцев среди варварских славянских народов» сплывали самые черные империалистические силы Центральной Европы.

Рабочий день кайзера по традиции начинался ровно в десять часов. А за пять минут до этого Вильгельм, позвякивая шпорами, вошел в кабинет и, подойдя к огромному дубовому письменному столу, посреди которого лежала закрытая сафьяновая папка с бумагами, решительно опустился в кресло и попробовал его на крепость.

Он раскрыл папку, просмотрел бумаги, начертав на некоторых листах свою подпись, и стал принимать доклады.

Начальник разведки Генерального штаба быстро зачитал ему две странички о ходе военных действий на Балканах, о попытках французского Генерального штаба спровоцировать вступление в Балканскую войну России, о частичных приготовлениях Австро-Венгрии, которая готова поддержать Турцию против балканских союзников.

Вильгельм обожал разведку. В отличие от многих других тогдашних европейских монархов, и в первую очередь от Николая II, который приближал к себе собутыльников по гвардей-

¹ Дранг нах Остен(нем.) – «Марш на Восток».

ским пирушкам, то бишь людей, как правило, никчемных, но родовитых, благоволил прежде всего к разведчикам, ничуть не заботясь об их родовитости. Он почитал за необходимость ежедневно и ежечасно при решении государственных проблем прибегать к результатам разведывательной работы.

Более того, Вильгельм не избегал и сам принимал активное участие на ниве профессионального шпионажа.

Традиции Бисмарка и его «короля шпионов» – Штибера упали на хорошую почву в душе германского кайзера.

Настроение Вильгельма по ходу доклада несколько раз менялось, пока он не сказал:

– Довольно, довольно!

Он встал. Докладывающие бесшумно стали покидать кабинет. Только руководитель всех разведок Германской империи граф Филипп Эйленбург, повинувшись знаку императора, остался в кабинете.

Когда створки двери сошлись за последним посетителем, император принялся нервно ходить по комнате, выдавая свое крайнее возбуждение.

Наконец он заговорил.

– Нужно ускорить подготовку к войне. Потому что начинать ее в шестнадцатом, тем паче – в семнадцатом году будет поздно. Необходимо опередить Британию. Это главный – самый опасный конкурент. К тому же Россия успеет перевооружиться согласно своему плану и войдет в более тесные сношения с Францией.

– Готов ли Мольтке-младший представить окончательные планы ведения кампании против России и Франции: – спросил канцлер у графа, и сам же ответил: – Это следует обсудить в неофициальной обстановке, пока что с глазу на глаз.

– Вот что, – продолжил Вильгельм после некоторого раздумья, – в Берлине нас будут бесконечно отвлекать разными мелочами... Завтра я выезжаю на охоту в Роминтен. Мы поедем с принцем Генрихом. От моего имени пригласите графа Мольтке-младшего и графа Бюлова... Впрочем, последнего, пожалуй, не надо, а то он вечно призывает нас пойти на уступки Англии. Разумеется, я хотел бы видеть вас, господин советник императора, и вашего двоюродного брата, министра двора.

План кампании вызревал трудно и медленно. Мысль немецкого императора возвращалась к нему неустанно. О неминуемой и скорой схватке с Россией он задумывался всюду – и в покоях дворца, и на пышных балах, и в блистательном автомобиле, и на смотрах марширующих под грохот барабанов новобранцев, собранных по очередному призыву. Его ум отбирал, оценивал, раскладывал по чашам весов все бесконечные «про» и «контра» предстоящей войны с Россией, все накопленные соображения, все наблюдения богатой событиями жизни.

«Да, столкновения с Россией не миновать: пока она не разгромлена, то несокрушима и Англия, – думал он. – И нет сомнения, что чем дальше, тем легче может рухнуть продуманный план его приближенных и не удастся осуществить до конца собственную потаенную честолюбивую цель – возвеличить Германию и себя».

Станция Роминтен находилась в Восточной Пруссии. Около нее располагалось одно из любимых имений Вильгельма Гогенцоллерна. Здесь, среди лесных пущ и прозрачных озер, на небольшой возвышенности подле деревушки, красовался замок Его Величества – двухэтажный деревянный дворец под высокой крышей, нависавшей над террасами. Прямо напротив главного располагался второй деревянный дом, только чуть поменьше и более простой конструкции. Оба корпуса на уровне второго этажа соединялись крытой галереей. Большую часть обоих зданий занимали покои императорской семьи. В меньшем доме на первом этаже были комнаты для немногочисленной свиты и для гостей, приглашаемых императором на охоту.

Как всегда, уезжая из Берлина, Вильгельм взял с собой в Роминтен императрицу и принцессу Цецилию.

С приездом Гогенцоллерны удалились для краткого отдыха в свои покои, а слуг и гостей разместили согласно чинам.

Когда за окнами рано, по-зимнему, стало смеркаться, а в теплых и уютных покоях резиденции зажглось электричество, гостей звуками гонга пригласили к столу. По правую руку от императрицы посадили генерала Мольтке-младшего, как особу, наивысшую после императора по званию. Принц Генрих, двоюродный брат императора, уселся рядом с Вилли. Возле принца заняли свои кресла оба графа Эйленбурги, своей схожестью как бы демонстрируя устойчивость голубой крови в соседних ветвях семейства.

Во время обеда компания вела традиционный и пустой светский разговор. Император, словно почтенный отец бюргерского семейства, громко хохотал, отпускал шуточки, от которых краснела принцесса Цецилия и в улыбках распускались губы царедворцев.

После обеда дамы удалились, а мужчины перешли в соседний зал. В непринужденной манере все расселись вокруг небольшого столика. Лакеи внесли кофе, пиво, сигары, маленькие рюмочки ликера и коньяка. Шуточный разговор продолжился, пока Вильгельм не перевел его к делам, ради которых он и удалился в деревенскую глушь. Следовало обсудить чрезвычайно актуальный вопрос: как лучше обеспечить операции доблестной германской армии в грядущей войне против бриттов, славян и галлов. Для подготовки оставалось год-полтора. Главная задача – развернуть политическую аранжировку столкновения, вывести из игры других потенциальных союзников триединого «Сердечного согласия»...

– На основании ваших донесений, господа, – Вильгельм посмотрел на Филиппа Эйленбурга, – я сделал вывод, что наш главный противник Англия так же серьезно, как и мы, готовится к европейской схватке. Наша военно-морская программа, против коей не осмелились голосовать даже господа социалисты в рейхстаге, близится к зениту, сухопутные армии начинают разворачиваться согласно плану Шлиффена.

По высокому мнению государя, необходимость спешить с войной вытекала также из того, что непомерно росли претензии германского рабочего сословия. Оно уже не держалось в тех рамках, которые необходимы для всего отечества, а выступало, подстрекаемое социалистами, с забастовками и демонстрациями. «Пока смутьяны окончательно не организовались, армия должна задушить их движение в зародыше, воспользовавшись той великой победой, которая будет завоевана за три – максимум четыре недели в результате разгрома Франции, – подчеркнул Вильгельм. – Россия после падения ее союзника на континенте вынуждена будет капитулировать, поскольку двуглавый орел останется один на один со Срединными державами».

– Ваше величество! – восторженно вмешался в разговор граф Мольтке. – Германская армия сознает, что наши политические задачи невыполнимы без удара меча. Мы готовы нанести этот удар!

– Благодарю вас, граф! Я знаю, что армия полна решимости разбить всех наших врагов и установить новую границу России по меридиану Нарва – Азовское море. Я поддерживаю ваши планы. Однако я хотел бы сегодня обсудить несколько политических мероприятий, которые могут ускорить достижение нами великой цели.

Как выяснилось вскорости, для достижения великой цели Его Величество предлагал активизировать в борьбе против России берлинские финансовые круги, весьма озлобленные тем, что их французские конкуренты изрядно наживаются на операциях с русскими займами. Вполне понятно, что германское государство не могло позволить своим подданным в столь широких пределах, как Франция, осуществлять финансовые сделки с вражеской державой. Следовало поэтому использовать возможности в России – родственные и деловые, – чтобы подрывать экономический порядок, дезорганизовать финансовую и промышленную деятельность.

– Второе, – Вильгельм обвел взглядом присутствующих, – я полагаю, надо раздуть фигуру этого сумасшедшего попа – Распутина, дабы внести беспокойство и сомнения в общественную жизнь Петербурга!

Высказав неожиданно свою идею, Вильгельм тут же, должно быть, спохватился: не слишком ли много свидетелей его некорпоративной выходки в отношении других, хотя и русских, монархов? Но остановить себя не смог.

– Неважно, если при этом немного поблекнет доброе имя моей сестрицы Алике, – благодушно разрешил он. Хотя присутствующие знали, что Вильгельм тщательно собирал через свою агентуру сплетни, имевшие хождение в Петербурге, и бывал как-то особенно счастлив, если Эйленбург приносил ему очередные пикантные новости об отношениях царицы фаворитами. В кружке императора давно уже говорили о вздорности и истеричности русской царицы, о предметах ее совместного с Николаем мистического обожания – проходимцах и авантюристах – и особенно о «советнике» и «друге» семьи Романовых, «божьем человеке, старце» Распутине.

Вильгельм, который не скрывал восторга по поводу высказанных им идей, поднял рюмку коньяку и провозгласил традиционный тост:

– За грядущую победу Германии, хох! Боже, покарай Англию!

Гости дружно вскочили и осушили свои бокалы. Изволив выпить до дна, кайзер ласково улыбнулся приближенным и соблаговолил проститься: часы показывали ровно десять. Всегда в одно и то же время Вильгельм Гогенцоллерн начинал готовиться ко сну.

Вена

Самоубийство в Вене полковника императорского и королевского Генерального штаба Альфреда Редля вызвало переполох в высших кругах Австро-Венгрии. В парламент было внесено несколько срочных запросов. И хотя военное министерство пыталось представить его смерть как заурядный случай, журналисты, прознав об истинной причине самоубийства, сообщали, что Редль был агентом русской разведки.

Весь мир узнал о причинах самоубийства Редля, которые генштабисты пытались скрыть вначале даже от самого императора и его наследника – Франца-Фердинанда.

Страсти в Вене, Берлине кипели спустя даже год, в августе 1914 года, необычайно. Бывший депутат рейсхрата граф Адальберт Штенберг с упорством маньяка отстаивал, например, собственную теорию о том, что полковник Редль был, оказывается, виновником мировой войны. Глубокомысленный граф полагал, что только из-за Редля ни Германия, ни Австро-Венгрия не знали о том, что у России имелось под знаменами 75 боеспособных дивизий, превосходивших значительно австро-венгерскую армию. Срединные империи, агентуру которых на востоке якобы совсем парализовал злодей Редль, слепо стремились в бой и нарвались на эту мощь. Граф-депутат считал также, что вездесущий полковник подробно информировал русских о военных приготовлениях австро-германских союзников и вся мало-мальски секретная документация венского Генерального штаба благодаря ему имела в копиях в Петербурге.

Депутаты оппозиции впервые за много лет сошлись во мнении с окружением эрцгерцога Франца-Фердинанда, критиковавшем престарелого императора и особенно подкапывавшимся под клан генштабистов.

– Как! Отказаться от ареста преступника, от полного расследования и выяснения всего ущерба, принесенного этим славянским изменником двуединой монархии! – говорили они. – Не разыскать его сообщников, не устроить громкого – политического процесса, который позволил бы заодно расправиться со всеми вождями славянских национальных меньшинств в империи, подрывавшими ее славный германистический дух!

Франц-Фердинанд, который платил военным презрением за их нелюбовь к нему, находил факт падения Редля типичным для армии и всеми способами пытался возбудить преследования против высокопоставленных особ. Один из самых оголтелых пангерманистов Австро-Венгрии, Франц-Фердинанд весьма болезненно воспринимал резкие упреки, которые посыпались на союзников из Берлина. А Вильгельм II не считал нужным щадить гордость наследника австро-венгерского престола. В каждом своем письме он то и дело возвращался к случаю с Редлем, чтобы уязвить двоюродного брата. Кайзер требовал навести порядок в армии. В конце концов эрцгерцог не стерпел упреков из Берлина и помчался специальным поездом в Вену из своего чешского имения, где проводил большую часть времени.

Едва поезд успел прибыть на центральный вокзал столицы, эрцгерцог без свиты, с одним адъютантом отправился в военное министерство, а затем во дворец.

Фыркающий экипаж подкатил его к парадному входу во дворец, лакеи согнулись в поясном поклоне, но он не удостоил их даже взглядом.

Франц-Иосиф уже закончил разбор всех государственных бумаг. Теперь государь просто так сидел за своим вычурных форм белым столом и не мигая смотрел в пространство.

Несмотря на взаимное озлобление, которое царило в душах эрцгерцога Франца-Фердинанда и престарелого монарха, прислуга никогда не должна была видеть малейших проявлений нелюбезности дяди к племяннику, тем паче наоборот. Правило соблюдалось свято.

Франц-Иосиф с трудом поднялся со своего кресла, сделал вид, что обнимает эрцгерцога за плечи. Его рот со втянутыми старческими губами под густыми седыми усами, переходящими в пышные бакенбарды, прошамкал какое-то подобие приветствия. Затем немощный император вновь опустился в теплое кресло.

Движением руки эрцгерцог удалил из кабинета секретаря его величества, для которого, собственно, и разыгрывалась эта комедия нежного приветствия и душевного объятия, и сразу же приступил к сути дела. Отношения между родственниками были весьма натянуты, поэтому наследник начал весьма официально.

– Ваше Величество! Случай с гнусным предателем Редлем показал, что вся система военной службы в империи должна быть почищена железной метлой! – Эрцгерцог говорил медленно и спокойно, но в его спокойствии kloкотал скрытый гнев. – Особенно быстро следует реорганизовать военное училище – главный поставщик командиров в армию, – моя инспекция доносит, что в нем царят вопиющие беспорядки. А тут скандальное дело Редля. Это говорит, что система воспитания и мораль прогнили насквозь!

– Нет, – спокойно ответил монарх.

– Следует также сменить корпусных командиров, начальников дивизий и всех основных руководителей военного министерства, – наседал эрцгерцог. – Необходимо полное обновление состава Генерального штаба.

Старый император не мигая смотрел на племянника. «Эх, молод он еще и горяч. Как бы не погубил империю!» – думал старец. Слова едва доносились до его сознания, Франц-Иосиф не вникал в их смысл, поскольку все, что он решал, было заранее продумано и взвешено секретарями, министрами, чиновниками, а ему оставалось только своей подписью придать решению силу. Однако император твердо усвоил одну истину за все шестьдесят пять лет правления, которое начиналось в эпоху революций 1848 года и приблизилось к рубежу, когда вот-вот разразится небывалая европейская война, основная задача которой, по мнению всех венценосцев, – укрепить и сохранить незыблемыми порядки предыдущего, XIX века, усмирить чреватые революциями народные толпы. Эта истина определяла всю политику монархии: военная каста – надежнейшая опора трона. Нельзя колебать и раскачивать эту основу, подвергая ее общественной критике, тем паче репрессиям за упущение по службе. Особенно верил старый император в Генеральный штаб и его офицеров, которые составляли особый клан в армии Австро-Венгрии. Именно поэтому, спокойно выслушав наследника, Франц-Иосиф снова произнес свое сакраментальное: «Нет!»

Франц-Фердинанд вспылел, но, мгновенно овладев собой, резко поднялся со стула и, не прощаясь, поскольку свидетелей холодного расставания не было, удалился из зала.

Старцу, казалось, все это не причинило ни малейших неприятностей. Позвякивая орденами, он тоже поднялся с кресла и шаркающей походкой отправился в противоположный конец зала, к маленькой дверце, ведущей в личные покои.

Наследник престола Габсбургов так быстро покинул кабинет императора, что придворные и чиновники, незадолго до этого закончившие свои труды и еще не успевшие разойтись, стали невольными свидетелями его бешенства.

– Опять столкнулись Его Величество и Его Высочество! – со скрытым злорадством нашептывали они друг другу, когда мимо них быстрым шагом мчался эрцгерцог Франц-Фердинанд, громыхая палашом и звеня шпорами.

Его Высочество смог полностью отдаться гневу только в салоне автомобиля.

– Черт поberi этот проклятый Генеральный штаб и всех его преторианцев! – бранился Франц-Фердинанд под грохот мотора. – Они все стоят друг за друга, все игнорируют мои приказы – приказы наследника престола! Эта паршивая каста повинуетя только приказаниям своих «старшин». Подумать только! Старший офицер скомандовал этому предателю выстрелить в себя, и тот исполняет это богохульственное приказание спустя два часа, которые ему потребовались на предсмертные письма! Нет! Надо уволить всех причастных к этому делу. Ведь они покровительствуют славянам, подрывающим империю!

Специальный поезд в тот же день увез эрцгерцога назад в Прагу и Конопиште, где Франц-Фердинанд для успокоения предался своей страсти – охоте на коз и оленей...

А мировая война все приближалась. Ее тучи уже сгушались в небе Европы, и в свете зарниц то и дело представляли высвеченные мертвенным светом трагические фигуры тех, кто станет ее первыми жертвами.

В обстановке, когда еще не грянула гроза войны, кто-то уже рассчитывал силу разряда и точку, в которую его нужно направить. Этой точкой и станет живой человек – наследник австрийского престола – эрцгерцог Франц-Фердинанд.

Почему удар был направлен именно против него? Ходячее мнение таково, будто он возглавлял военную и антиславянскую партию в Австрии. Именно эту мысль внушили 19-летнему сербскому крестьянскому парню Гавриле Принципу, который 15 июня 1914 года в боснийском городке Сараево убил наследника. Используя это как повод, Австро-Венгрия, подстрекаемая Германией, напала на Сербию. Россия, будучи союзницей Сербии, объявила всеобщую мобилизацию. Германия поддержала Австро-Венгрию и 19 июня (10 августа) объявила войну России, а затем и ее союзнице Франции. Вскоре в войну против Германии вступила Англия, находившаяся в союзе с Францией и Россией. В короткий срок война стала мировой, охватив 38 государств.

Петербург

Большой прием государя закончился, и он со свитой удалился. Гости группами потянулись в гардеробную. В зале остались только те, кого государь попросил остаться. Они прошли во внутренние покои Александровского дворца, где должен был продолжиться прием, теперь уже малый, и стали ждать. Царь проводил этот прием, как правило, в библиотеке, превращенной во «второй кабинет Его Величества».

В приемной толпились парадные мундиры. Сразу трудно было понять, то ли они все ждут момента приема государем, то ли уже побывали на аудиенции и теперь договаривают свои разговоры с приятелями.

– Не правда ли, Его Величество был сегодня великолепен, – говорили между собой всезнающие генштабисты. – А как хорошо он знает армию и ее расквартирование?

– Точно, точно! Но зачем он еще раз вызвал к себе министров? – задал вопрос один из них.

– Его величество весьма озабочен возмутительным поведением Австро-Венгрии, которая в ответ на выход сербских войск к Адриатическому морю в Северной Албании начала мобилизацию, – ответил ему другой. – В Берлине, как нам доносят, непрерывно идут совещания австро-венгерских и германских государственных людей.

– Да, пахнет европейской войной, а Россия к ней не готова, – поддержал его собеседник. – Попугать Турцию или Австрию мы еще можем, а серьезно воевать – навряд ли выйдет.

– Тогда ясно. Его Величество, видимо, хочет еще раз посоветоваться с близкими людьми, что же делать в сложившейся обстановке.

Вскоре через приемную в императорскую библиотеку-кабинет проследовали председатель Совета министров граф Владимир Николаевич Кокорцев, министр иностранных дел Сазонов, министр путей сообщения Рухлов, военный министр генерал-адъютант Сухомлинов и начальник Генерального штаба генерал Жилинский.

По виду министров было видно, что они обескуражены вызовом и не знали его причины.

– Господа, мы на пороге...э... кризиса, который... должен сказать, способен вызвать потрясение основ. Мы должны... в ближайшие дни, а может быть, и часы, точно решить насчет военных приготовлений и... самой мобилизации.

– Владимир Александрович сейчас все расскажет... – царю было, видимо, трудно говорить, и он тербил золотой аксельбант на своем красном чекмене. Николай сел в свое кресло и нажал незаметную кнопку звонка под столом. В кабинет скользнул дежурный генерал.

– Карту Балкан, – коротко бросил царь, и через несколько секунд огромная, многометровая карта Балканского полуострова появилась на стене кабинета. Карта была раскрашена карандашами и на ней четко выделялись не только текущие позиции союзников и турок за последнюю неделю, их предыдущие линии и стрелы наступлений, фланговых обходов, но и дис-

локация войск Киевского и Одесского округов русской армии, расположение дивизий румынской и австро-венгерской армий.

– Прощу вас, Владимир Александрович, – предоставил слово Николай своему военному министру.

– После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины возникла вероятность столкновения нас с Габсбургской монархией. Но в случае этого столкновения Германия станет на сторону Габсбургов. Таким образом, ясно обрисовывается цель поддержания нашей боевой готовности, – начал тот.

Из доклада следовало, что масштаб для оборудования вооруженных сил России должен был отвечать не только боевой готовности одной лишь австро-венгерской армии, но и соединенных с ней сил германских армий и флота. Вместе с тем, учитывая союзнические обязательства, которые взяла на себя Франция согласно военной конвенции, российская императорская армия должна быть, по крайней мере, так же сильна, как армия германская.

– По разработанному проекту приложения к мобилизационному плану «О силах и вероятных планах наших западных противников», который на днях будет представлен на высочайшее утверждение, – докладывал министр, – предусматривается два случая.

Случай первый – главные силы Германии будут против Франции, а все силы Австро-Венгрии, кроме сил выделяемых на Южный фронт, – против России.

Случай второй – главные силы Германии с силами Австро-Венгрии – против России.

В случае первом против России действуют 12–13 корпусов австрийских и 3–6 корпусов германских, против Сербии – 3–4 корпуса австрийских.

Во втором случае против России действует 12–13 корпусов австрийских и 18 корпусов германских.

Сухомлинов продолжал размеренно излагать диспозицию, не поднимая глаз от заранее заготовленной записки, а Николай все так же безучастно глядел пустыми глазами куда-то мимо карты.

Наконец он решился прервать своего военного министра.

– Владимир Александрович! Я призвал вас всех сюда вовсе не для повторения мобилизационного плана, а для решения вопроса частичной мобилизации... – При этих словах Сазонов, Коковцев и Рухлов удивленно переглянулись, как будто впервые услышали повестку столь важного совещания. Царь продолжал: – Теперь, когда на Балканах разгорается война, нам необходимо усилить состав войсковых частей, стоящих близ границ. Ведь вы сами вчера на совещании с командующими войсками Киевского и Варшавского военных округов предлагали произвести мобилизацию Киевского и подготовить частичную мобилизацию Одесского округов?! Я особенно подчеркиваю, что вопрос идет только о нашем фронте против Австрии, и не имею решительно в виду предпринимать чего-либо против Германии. Наши отношения с ней не оставляют желать ничего лучшего, и я имею основания полагаться на поддержку моего брата императора Вильгельма... Объясните же не диспозицию вообще, а надобность в мобилизации господам министрам.

– Ваше Величество, – я не имею прибавить ничего к столь ясно выраженным вами мыслям. Тем более все телеграммы о мобилизации уже заготовлены и будут отправлены сегодня же, как только закончится наше совещание.

– Военный министр предполагал объявить мобилизацию еще вчера, – сказал Николай, обращаясь к графу Коковцеву, – но я предложил ему обождать еще один день, так как я предпочитаю переговорить с теми министрами, которых полезно предупредить заранее, прежде чем будет отдано распоряжение.

С величайшим изумлением три министра переглядывались между собою. Иногда они бросали выразительные взгляды на Сухомлинова, который уселся на свое место, как ни в чем не бывало. Видимо, только присутствие государя сдерживало бурное проявление ими чувства

ялости в адрес того, кто подготовил за их спиной и согласовал с царем решение такого вопроса, который прямо влиял на судьбу европейской войны или мира.

– Начинайте хоть бы вы, Владимир Николаевич! – обратился царь к Коковцеву.

Тот возбужденно вскочил, но сразу же овладел собой.

– Государь, я прошу заранее извинения, что не смогу, вероятно, найти достаточно сдержанности, чтобы спокойно изложить все то, что так неожиданно встало передо мной. Очевидно, государь, ваши советники – военный министр и два командующих округами – не поняли, в какую беду ввергают они вас и Россию, высказываясь за мобилизацию двух военных округов. Они, очевидно, не разъяснили вам, Ваше Величество, что толкают страну прямо на войну с Германией и Австрией, не понимая того, что при нынешнем состоянии наших вооруженных сил, которое хорошо известно нам всем, – министр-председатель обвел рукой гражданских министров, – только тот, кто не отдает себе отчета в роковых последствиях, может с легким сердцем допускать возможность войны, даже не применив всех мер, способных предотвратить катастрофу...

– Я так же, как и вы, Владимир Николаевич, – перебил Коковцева Николай II, – не допускаю и мысли о войне сейчас. Мы к ней не готовы, и вы очень правильно называете легкомыслием самую мысль о войне. Но речь у нас идет о войне, а не о простой предосторожности для пополнения рядов нашей слабой армии. О том, чтобы приблизить несколько к границе войсковые части, слишком оттянутые назад.

– Государь, но, как бы мы ни смотрели на проектированные нами меры, – снова возбужденно вымолвил Коковцев, – мобилизация остается мобилизацией, о ней станет сразу же известно нашим противникам. Они ответят на нее тоже мобилизацией, а может быть, даже и войною, к которой Германия давно готовится и ждет повода начать.

– Вы преувеличиваете, Владимир Николаевич, – снова прервал графа Николай, – я и не думаю мобилизовать наши части против Германии, с которой мы поддерживаем самые добрососедские отношения. Немцы не вызывают у нас никакой тревоги. Между тем Австрия настроена определенно враждебно.

– Ваше величество, но позвольте высказать основополагающую мысль о том, что невозможно относиться раздельно к Австрии и Германии, – дрожащим от обиды голосом продолжал Коковцев, – поскольку обе связаны союзным договором и солидарны между собой. Мобилизуя части нашей армии, мы берем тяжелую ответственность не только перед своей страной, но и перед союзной с нами Францией... Ведь по нашему военному соглашению с Францией мы не имеем права предпринять что-либо, не войдя в предварительное сношение с нашим союзником.

– А что вы предлагаете для выхода из положения, Владимир Николаевич? – проявил вдруг интерес к предмету обсуждения Николай.

Коковцев размышлял с минуту, а потом его глаза загорелись идеей.

– Взамен такой роковой меры, как мобилизация, Ваше Величество, можно воспользоваться той статьей устава о воинской повинности, которая дает право Вашему Величеству простым указом Сенату задержать на шесть месяцев весь последний срок службы по всей России и этим путем увеличить сразу на четверть состав нашей армии. Таким образом, к весне, к самой опасной поре в смысле развязывания противником войны, во всех полках под знаменами у нас будет пять сроков службы, но никто не сможет упрекнуть нас в разжигании войны.

– Сергей Дмитриевич, а каково ваше мнение по вопросу о мобилизации, – обратился Николай II к министру иностранных дел Сазонову.

Сазонов проворно поднялся со своего места.

– Полагаю, Ваше Величество, что граф Коковцев вполне прав. Я сам был поражен здесь, когда узнал о готовящейся катастрофе. Удивительно, как Владимир Александрович, – он посмотрел в сторону Сухомлинова, – не учел, что мы и прав-то не имеем на такую меру без

соглашения с нашими союзниками, даже если бы мы и были готовы к войне, а не только теперь, когда мы к ней совершенно не готовы.

Затем царь предоставил слово Рухлову. Министр путей сообщения горячо поддержал министра-председателя, но с оговоркой.

– Я не разделяю вообще мрачного взгляда на состояние нашей обороны, – заявил он, – ибо никогда и ни одна страна не бывает полностью готова к войне. Но братья за мобилизацию сейчас весьма опасно как с точки зрения провоцирования Австрии и Германии, так и с точки зрения перевозки больших масс новобранцев.

Николай поблагодарил кивком головы министра, а затем обратился к Сухомлинову.

– А как вы охарактеризуете боеготовность австро-венгерской армии.

Волновавшийся до той поры Сухомлинов, выслушав выступления министров, сразу успокоился и уверенно начал:

– Ваше Императорское величество! Австро-венгерская Армия, как по величине, так и по обученности, являет собой весьма серьезного противника. Ее офицерский состав по специальной военной подготовке вряд ли уступает российскому, хотя острота германо-славянской проблемы, когда большинство населения империи состоит из славян, а большинство офицеров в армии – немцы, значительно ослабляет боеготовность частей. Во главе армии стоит популярный в среде офицерства начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф. Его авторитет признает даже германское офицерство, которое считает его выдающимся военачальником. У фон Гетцендорфа мы нащупали чрезвычайно важное для нас слабое место – со времен командования им дивизией в Тироле Конрад считает себя особым знатоком горной войны, и большее значение он придает итальянскому театру войны по сравнению с галицийским.

Царь вежливо демонстрировал свое внимание и Сухомлинову ничего не оставалось, как продолжать экспромтом свой доклад:

– По документальным данным, главным направлением, где уже сейчас, в мирное время, сосредотачиваются австрийские армии, является Восточная Галиция. Главная масса австрийских полков располагается вдоль линии железной дороги Краков – Львов, обращаясь фронтом на север, к стороне Варшавского военного округа.

Чтобы доклад сделался нагляднее, Сухомлинов подошел к карте и продолжил, водя подвернувшейся указкой по просторам огромного полотнища.

– Как мы полагаем, такой район сосредоточения австрийских армий выбран под давлением германского Генерального штаба, опасавшегося за Восточную Пруссию и желающего всеми силами предохранить ее от развертывания русских армий. В силу подобной концентрации австро-венгерских войск можно сделать вывод, что главное направление, которое избрали германцы для начала войны, – на Францию. Германская армия мнит французов своим главным и опаснейшим противником, против которого направляет полуторамиллионную армию, могущую сформироваться уже на десятый день мобилизации. Доктрина германского Большого генерального штаба, как нам известно, рассчитывает на быстрый разгром Франции и обращение затем всеми силами против России. При этом учитывается относительная длительность нашей мобилизации.

– Интересно, интересно, – вяло сказал царь, теребя аксельбант, – расскажите нам теперь о недостатках австрийской армии поподробнее...

Сухомлинов, готовившийся к такому докладу, изучил все донесения и справки, поступающие по этой теме в штаб, и сейчас был во всеоружии.

– Армия Австро-Венгрии хотя и сильный противник, но не является передовой по сравнению с нашей армией ни в отношении организации и обученности, ни по своей технике, – начал он. – Она состоит из трех главных частей: общей армии для обеих основных половин государства – содержится на общий бюджет монархии, – австрийского ландвера с его ландштурмом и венгерского ландвера, называемого гонвед, в состав которого входит также ланд-

штурм. Эти особые формирования для Австрии и Венгрии содержатся на средства каждой из половин государства. По обученности ландвер слабее общей армии, а ландштурм – даже слабее ландвера. Служба во всех трех частях армии установлена в 12 лет: два года – под знаменами (для кавалерии и артиллерии – 3 года), восемь и соответственно семь лет – в резерве общей армии и 2 года в резерве обоих ландверов. При общей численности населения империи в 45 миллионов человек ежегодный призыв исчисляется в полмиллиона человек. К числу крупных недостатков австро-венгерской армии относится слабое оснащение воздушными силами по сравнению с другими европейскими армиями и нашей армией.

Артиллерия Австро-Венгерской империи находится теперь в переходном периоде, главный недостаток – бронзовые орудия сохраняются повсеместно. Артиллерия, кроме того, малочисленна, особенно тяжелая.

Затем Сухомлинов перешел к главному, принципиальному недостатку австро-венгерской армии, проистекавшему из так называемой «лоскутности» всей монархии, объединившей под короной Габсбургов земли многих балканских народов.

– Армия нашего вероятного противника на юго-западе – единственная в своем роде по национальному составу. Еще Наполеон утверждал, что это является слабой стороной воинских формирований. Так, процентный состав армии Австро-Венгрии по национальностям следующий: немцев, то есть австрийцев – 29 процентов, или меньше одной трети, славян – 47 процентов, или почти половина, мадьяр – 18 процентов, румын – 5 процентов и итальянцев – один процент. Сильнейшими частями являются мадьярские. Корпус офицеров, несмотря на многонациональный состав, хорошо обучен и превосходит в этом даже своих союзников – прусское офицерство. Командный язык всей армии – немецкий, но обучение ведется в национальных полках на родном языке...

– Спасибо, Владимир Александрович, – прервал доклад Сухомлинова царь и обратился к присутствующим:

– Так что будем делать?

За всех ответил Сухомлинов:

– Я согласен с мнением председателя Совета и прошу разрешения послать телеграммы генералам Иванову и Скалону, что мобилизации проводить не следует.

Часть первая С Богом, Терцы! Не робей

*На Карпатах, на Карпатах,
Под австрийский свист и вой,
Потерял казак папаху
Вместе с русой головой...*

Из казачьей песни

Глава I

Лето было в разгаре. Солнце обливало землю горячим зноем. Травы давно выгорели, хлеба пожелтели, и когда налетал ветерок, тугие колосья, ударяясь друг о друга, тихо звенели, перекачиваясь волнами.

На Тереке созрел урожай, поспедали огороды, стояла жара.

Накаленный дрожащий воздух, будто вырвавшись из горячей печи, дышал жаром, обжигая лицо. Кое-где хлеба начали осыпаться, поэтому станичники срочно приступили к уборке.

Никита Казей вместе с женой Мариной и трехлетним сынишкой тоже выехали в поле.

– На Черной речке пшеничка непременно под серп, – делится с женой Никита, – а на барабане² подкузьмила – за волосы придется драть.

– Жаль, ей бы еще дождичка, да Бог не дал, – отвечала Марина, внимательно осматривая хлебную ниву.

Выйдя в поле, они увидели, что недалеко от их загона начал жать свой клин Алексей Чумак. Рядом с ним – жена Наташа, раздобревшая в сером сарафане.

– Вон Зазуля жнет, а там Кужуховские, – заметила Марина.

– Здорово, Илья Максимович! – крикнул Никита, низко кланяясь пожилому казаку. На поле Кульбаки уже виднелись копны.

– Здорово, здорово! – ответил тот. – И ты, Никита Петрович решил жать? – уважительно спросил он Казея.

– Что ж от всех отставать. Сейчас та пора, что как говорят: День год кормит, – правда, дядя?

– И то верно, – отвечал Кульбака.

Никита вспомнил, как весной они вместе здесь сеяли. За работой он на время забылся, а когда очнулся, смотрит, Илья скинул самотканые серые портки, повесил их на телеге и без штанов, прикрывая рубашкой неудобное место, начал рассеивать пшеницу.

Ох и смеялся тогда Никита, а Илья Максимович уверял:

– Старики еще баили: без портков сей – уродится... Ты не гляди, чего согнулся? Посмотришь по осени.

Потом Никита часто заглядывал на этот участок. Пшеничка тут пыжилась зеленью, кудрявилась, и совсем недавно он видел – колос пшенички большой, от тяжести к земле клонится, а на соседних участках пшеничка низенькая, остроносенькая.

– Ну, что примета старинная, оправдывается? – с шуткой обратился Никита к Кульбаке.

² Барабан – место на возвышенности (местн.).

Илья засмеялся и, свернув жгут, туго перепоясал сноп пшеницы, потрянул им, твердо поставил на землю, глядя наливные колосья.

– Пшеничка что надо! Эх, сама рука с радостью жнет! – ответил он.

– А у тебя, Никита Петрович, тоже ничего?

– Слава Богу, неплохая.

– Да-а. Тебе тоже повезло. – Кульбака чуть-чуть улыбнулся.

Алексей повернулся к Марине и маленькому Лешке.

– Наша пшеничка – золото, правда? – обратился он к жене.

– Хороша, хороша, – поддакнула та.

– Хоть в штанах сеяли, – пошутил Илья. – А если бы без штанов? Что бы тут было? Топором рубить довелось бы... Хо-хо!

Они дружно приступили к работе. От пшеницы поднималась пыль. Она лезла в горло, ела глаза. Солнце пекло спины.

– Тьфу, – отплеывался Никита, как назло, ни одной тучки. Ну чего палит? – Хотя сам мысленно благодарил погоду.

Кульбаки кончили очередную делянку, брякнули серпами и быстро стали стаскивать снопы. Илья складывал копны. Снопы вертелись у него в руках проворно, легко, как игрушки, – и сам-то он был похож на колосистый, наливной сноп.

А по другую сторону от Казея работали Чумаки. Алексей, работая косой, утяжеленной грабельцами, с хрустом срезал отягощенные колосьями стебли. Скоро, утомившись, он остановился, вытер пот со лба и стал наблюдать, как проворно его Наташа собирала сноп и после рукопашной борьбы с ним бросала его на лопатки, давила коленом, вязала его и, гордая победой, весело кидалась в новую схватку.

– Скосить – дело не хитрое, – сам себе говорил Алексей. – Главное тут – чтобы скошенный рядок получался ровным, тогда бабе легче вязать. За иным косцом идти – одно удовольствие, за другим – мука смертная, так напутает он и накуралесит. – И, довольный собой, продолжил косьбу.

А у Наташи в это время сжималось все в утробе, точно кто-то большими клещами туго стиснул ей поясницу. Она украдкой охнула.

Алексей посмотрел на ее помрачневшее лицо и застыл.

– Ты что это заохала? – с жалостью спросил он.

Наташа промолчала.

– Ты не родить ли на меже задумала? – спросил он уже серьезней. – И не думай... Ишь нашла место.

– Да нет, – ответила Наташа, – просто устала.

– Давай обедать, – предложил Алексей, увидев, что и соседи располагаются в тени под бричкой.

После обеда Наташа еле поднялась: ноги затекли, они были, словно набитые песком мешки. Настроение совсем упало.

Но тут к ней подошла жена Казея – Марина.

– Наташ! А ты никак родить хочешь? – шутя повела она разговор.

– Угу... А то как же? Работнички нужны, – улыбнувшись через силу, ответила Наташа и посмотрела на Алексея.

– Ух ты, сатана, а молчала, – упрекнула ее Марина.

– Молчала? Чай, об этом не кричат всем? – проговорила Наташа.

– Какой месяц пошел?

– Третий, – солгала Наташа.

– Пойдемте на Терек, посидим немножко в теньке, – предложила Марина.

Она обняла Наташу и пошла рядом. У Наташи появилась синева под глазами, быстрый шаг пропал: она шла в ногу с Мариной, а ступала осторожно, ровно под ногами не пожелтевшая трава стелилась, а разбросанные горячие угли. И спина у Наташи чуть откинулась, но ядреностью, здоровьем наливалось, набухало тело, и в глазах горел яркий летний день.

А Никита с Алексеем шли чуть-чуть позади, и каждый думал о своем.

Казей, осматривая округу, вспоминал: ведь здесь же случилось то первое, когда-то, у них с Мариной. Молодая и сочная, как спелое анисовое яблоко, сидела под одинокой ольхой, аукала, смолкала, шевеля раскрасневшимися губами, прислушивалась к тому, как эхом перекачивается ее зов, и снова аукала протяжно, долго, будто кукушка.

«А-а... вот она, Марина», – мелькнуло у него, и он кинулся к ней, перепоясал руками ее тоскующее горячее тело, еле заметив, как у нее страхом блеснули глаза.

Вскоре он сидел около Марины, смотрел на ее растрепанную голову с ольховыми сережками на затылке, на измятое, вздернутое платье, оголяющее розовую чашечку колена, – думая о том, как все это просто, и, видя, что она склонилась, словно подшибленный стебель подсолнуха, говорил тихо:

– Ты, Марьян, не серчай на меня, поняла?

Марина поднялась, отряхнулась и, не откликаясь на ауканье подруг, тихо побрела мелколесьем, забыв около него лукошко.

– Марь! Ты это... – Никита поднял лукошко и, догнав Марину, повесил его на согнутую руку:

– Ты это... Вот сказать не знаю как... А сказал бы... Это тебе надо понять.

Марина остановилась. Лицо, такое спокойное, что казалось – с ней ничего не произошло, просияло.

– Не сержусь я, Никитушка... А то: не эдакая я. А вишь ты, что случилось.

– А глаза? Глаза серчают.

Глаза Марины затуманились лаской, тонкие ноздри дрогнули, губы раскрылись, и Никита вновь уволок ее под куст.

– Сладкий ты... Сильный. Ах ты-ы... Иди, – слышится Никите голос Марины.

Хорошо в этот час на берегу Терека, в тени ив и осин, что растут у воды. Течет мимо река, глядятся в нее плакучие ивы, листва которых даже в безветрие ласково шепчется над головой, навевая дремоту.

«Хорошо было тут с Наташей», – вспоминает Алексей. Посадишь ее рядом, уронишь голову ей на плечо и, закрывши глаза, – наслаждаться прохладой, вдыхать пряный запах леса и девичьего тела, слушать шепот листвы, стрекотанье кузнечиков, лепет возлюбленной и время от времени, дотянувшись до губ ее, пить ее сладостные поцелуи. Плеснет усач под берегом, брызнут врассыпную чернобрюшки, вздрогнет милая и тотчас засмеется сдобным рассыпчатым смехом. Хорошо в этот час опрокинуть ее на спину, целуя смеющийся рот и, незаметно для нее и себя, расстегивая кофту.

Игры с ней начались в прошлом году, когда вдруг обнаружилось, что эта живущая наискось через улицу девчонка, никогда ничем ему не интересная, умеет как-то пройти мимо и так посмотреть и так улыбнуться, что не сразу и забудешь. Как солнце в глазах, или удар по башке, или заноза в пальце. Смешно и непонятно: сколько помнит себя он – всегда маленькая перед глазами, то с подружками, то в общей компании, когда вместе бегали купаться на речку или играли на поляне.

Отца ее убили на войне, росла она с матерью. Тетя Даша – сухая, неприметная женщина, легкая на ногу и на всякие дела, ходила к Чумакам за молоком или помочь по хозяйству, или так. Иногда присылала Наташу – дело соседское. А тут вышло с Наташей... Прибежала она к ним. Алексей был один. Слазил в погреб, достал крынку с молоком, отдал ей. На пороге щипнул

ее за одно место – чего особенного, кажется? Осердилась! Обозвала... Пень косолапый! И локотком этак вот. И крынкой.

Он засмеялся сперва, а потом догадался, что назвала она его очень обидно. Пень – то бы ладно, стерпел бы, но – косолапый! Ведь это намек на походку его. И это казаку? Обиделся он и долго знать не хотел, отворачивался. А она, будто назло ему, зачастила, замелькала перед глазами досадно.

Прошлой осенью отошло – словно что оттаяло, надломилось, и дело приняло другой оборот. Он стал замечать за собой, что досада исчезла, и больше не хотелось отворачиваться, когда встречал он пригожую девушку-соседку. Наоборот, увидит ее – и словно вздрогнет что-то внутри и замрет настороженно, как птица, готовая улететь. И дом ее стал предметом пристальных наблюдений. Сколько раз ловил он себя на том, как, раздвинув герани и отстраняя занавески, он с бьющимся сердцем глядит в боковое окно, ожидая в доме соседки каких-нибудь признаков жизни. Истомленный желанием, он надеялся увидеть ее – или хотя бы тень, или хотя бы кусок ее платья. И страдал, когда приходил в себя, потому что тогда ему становилось неловко и стыдно.

А потом в это дело вмешалась сестра Глаша. Позадумалась, пригляделась и тотчас определила характер Алексеевой хвори. А так как с Наташей они были подруги, то вскорости и лекарство было обнаружено. И вот на Николу, когда возвращались из церкви, Глаша отозвала его в сторонку из ватаги парней, коротко объяснила и рукой подтолкнула:

– Иди, ждет тебя.

За амбаром у Скориковых стояла Наташа, нарядная, пригожая, словно майский цветочек. В праздничной кофте, в сапожках шнурованных с монистом на шее, с желтым расшитым платком на голове. Голубые глаза ее, как два омута, манили и, похоже, смеялись, а пухлые губы и щеки были стыдливо прикрыты концом головного платка.

Постояли, успокаивая сердцебиение, и, не сказав ни слова, пошли.

По дороге разговорились помалу, и стало полегче. А когда нечаянно взялись за руки, стало и совсем хорошо. Очнулись на берегу Терека, оглянулись на станицу и вдруг засмеялись оба неизвестно чему.

Оттуда с колокольни храма Архистратига Михаила падали и катились по-над берегом торжественные звуки праздничного благовеста.

Алексей споткнулся и в недоумении замер. Точно такой же звон катился и сейчас со стороны станицы.

– А это что еще за представление? – задали друг другу работающие в поле и, не находя ответа, оставив работу, обгоняя друг друга, двинулись в станицу.

– Война... – разнеслось вскоре по станице. Черной тучей нависла над станицей эта весть.

Глава II

1

Срочно собрался казачий сход.

«От наместника на Кавказе к казакам Терского казачьего войска, – начал зачитывать обращение атаман. – Государь император высочайше повелел объявить Терскую область на военном положении». Нет сомнения, что казаки-терцы, услышав это объявление, задумались, что оно значит.

«Сим дается знать, что хотя война началась на западе, но скоро может разгореться и на юге, ибо враг наш не оставляет злого намерения, воюя с нами, натравить на нас, православных, турок.

Зная, что терцы – народ смысленный, бесстрашный и всегда отважный, я надеюсь, что вы с божьей помощью, не дадите врагу пользоваться нашими трудами».

Слушавшие углубились в себя, но каждый в это время думал о своем, о чем-то тайном, только ему понятном.

– Да, не случайно ворожейка ходила и говорила, что скоро быть войне, – вспомнил кто-то из казаков.

– И откуда она взялась, эта война? – вторил ему другой.

– Как не везет России! – слышалось в толпе. – Во сколько миллионов японская война обошлась, а эта во сколько? Когда же им придет конец, войнам этим!

– Побьем и этих супостатов, куда они денутся! – восторженно произнес молодой казак, на что старый казак Егор Дзюба ответил:

– Побьем-то побьем, а сколько еще казачьих жизней заберет эта война.

– Война ожидается серьезная, – в подтверждение словам Дзюбы сказал атаман. – Мне кажется, всех подберут, без разбору, кроме детей и стариков старых.

– Когда собираться? – спросили атамана, на что он ответил:

– Срок не указали. А приказали готовить две сотни.

Не знал тогда и атаман, что станице придется проводить на войну три присяги: две на турецкий фронт и одну – на германский.

И разговор продолжился.

– Да, много нашего брата понадобится, – проговорил кто-то. Атаман вспыхнул:

– Эх вы, станичники! А кто же царя будет защищать, кто честь России поддержит?

– Эвон куда замахнулся! – в один голос произнесли сразу несколько казаков.

– За нашего царя сам Бог хлопочет – разве мы отстранимся.

Атаману это понравилось, и он, улыбаясь, сказал:

– Полно хмуриться, казаки! Вспомним лучше о былом.

– Сколько ни живи, а два века не проживешь, – не к месту вставил кто-то, на что старый казак сказал:

– Умрем все, да не в одно время.

Сказал и прослезился. Наверное, просрочил он свой век на земле. Полой водой сошли с жизни все, кто служил с ним: кто был для него примером и для кого был он.

– Война, война, – тихо произнес он. – Жизнь прожил, а за ней и мирной жизни почти не видал. Куда только не закидывала судьба терского казака! Где его только не было?

И он стал вспоминать турецкую войну и войну недавнюю – японскую. Русско-японская война осталась в народе почти неизвестной. Неуспехам русского оружия сильно радовалась

российская социал-демократия, и, стало быть, измена Стесселя и нерешительность Куропаткина стали главными моментами происшедшего.

Подвиг народа был забыт. А жаль. Те же японцы, празднуя победу под Цусимой и Мукденем, никогда не забывают упомянуть о доблести русского солдата, подчеркивая тем самым весомость своих успехов.

В апреле 1904 года император Николай II подписал указ о формировании Кавказской конной бригады. С этого времени война с Японией стала частью истории и для далекого Терека. Один из двух полков бригады (прозванной «Дикой» за колоритное обличив ее воинов) – Терско-Кубанский полк – был собран из добровольцев – казаков терских и кубанских станиц, осетин и небольшого числа кабардинцев и чеченцев.

О том, как они воевали, и вспомнил старый казак.

В полночь офицеров позвали в палатку командира. Орбелиани был краток:

– Японцы атаковали позиции Орловского полка на Анпинлинском перевале. Командир полка попросил помощи. Пойдут 1-я и 2-я сотни князя Бековича-Черкасского и подьесаула Мистулова. Старшим отряда назначен есаул Балк. С казаками пойдут полковник Хоранов из Штаба командующего и капитан Григорьев из Севского полка.

Сотни через полчаса прибыли на позиции орловцев. Японцы наступали бесшумно, были слышны только короткие команды их офицеров. Так же бесшумно они бросились на левофланговый батальон орловцев. Возглавлял атаку офицер с короткой саблей в руке. Едва он достиг большого валуна в пяти метрах от окопа, как из-за камней на него бросился казак с кинжалом. Одно движение – и офицер с воплем покатился по камням. Бежавшие за ним следом солдаты открыли огонь, но были сразу расстреляны в упор. Остальные цепи залегли, началась перестрелка. Противники, разделенные каким-то десятком метров, стреляли по ружейным вспышкам, не жалея патронов.

Японские капралы несколько раз пытались поднять своих солдат, но те не желали вставать, опасаясь плотного огня своих и чужих. Наконец несколько десятков пехотинцев поднялись и с примкнутыми штыками бросились вперед.

Рукопашная схватка в кромешной тьме продолжалась несколько минут. Здоровенные орловцы действовали кулаками и прикладами, казаки кололи кинжалами. Не выдержав яростного натиска, неприятель побежал и остановился только после встречи со своим резервом. На этот раз японцы отступили примерно на километр и затихли.

Лежащий рядом с Мистуловым казак со вздохом сказал:

– Ну, сейчас начнет из пушек лупить.

– Не бойся, в темноте трудно попасть, да и снизу стрелять тяжело, – успокоил его Мистулов, отирая кровь с разбитой брови.

Минут через двадцать, дав с полсотни залпов из орудий, японцы снова пошли в атаку. Бой продолжался почти два часа. Стойкость защитников злила неприятеля, но сделать ему ничего не удавалось. Даже раненные казаки и офицеры в тыл не шли, отстреливались до последнего. У сотника Кужуева была прострелена нога, капитан Григорьев был ранен в плечо, но оба они не покидали своего укрытия, прикрывая фланг первой сотни. Сильно посеколо осколками командира орловцев подполковника Габаева. Когда молодой санитар, теребя его за рукав, в третий раз жалобно протянул: «Ваше высокоблагородие, в госпиталь вам надо», – тот, не выдержав, рывкнул:

– Мать твою! Я кто, командир полка или обозник, чтобы в тылу воевать? Пошел вон!

Потом, увидев растерянное лицо солдата, смягчился:

– Ты, братец, иди лучше к полковнику Хоранову, его, слышал, уже в 6-й раз ранило.

– В седьмой, – безнадежно махнул рукой санитар. – Да только и он в госпиталь не хочет.

Ругается...

Позиции держали до шести часов утра. Когда стало светать, японцы подтянули еще три батареи и накрыли перевал таким сильным огнем, что стало ясно – надо отходить.

Казачи 1-й сотни, заняв ближайшие высоты, прикрывали огнем солдат-орловцев, выносивших с собой раненых и убитых. Самим отступить было труднее.

Есаул Балк в своем рапорте на имя командира полка писал: «Потеряв почти половину своего спешенного состава, отступая под сильным огнем неприятеля, остатки двух доблестных сотен не оставили на позициях своих раненных товарищей и офицеров, вынесли их с собой».

Японцы хотели было преследовать казаков, но генерал Орбелиани послал на подмогу отряду Балка чеченскую сотню. Чеченцы, размахивая саблями, с гиком кинулись на врага, и японцы сразу залегли.

Бой закончился.

Вечером того же дня у полуразрушенной китайской деревни были построены сотни Мистулова и Бековича-Черкасского. К ним подъехали Орбелиани и командир полка Блаутин. Здесь уже стоял и полковой священник. Раздался звук горна, затем команда:

– На молитву! Папахи долой!

В чистом воздухе далеко разнеслось пение десятков голосов. Пережившие бой терцы и кубанцы набожно крестились.

Молитва закончилась командой:

– На-кройсь!

Орбелиани подошел к фронту построенных сотен. Есаул Балк начал рапортовать, но командир бригады прервал его.

– Убитых?

– Одиннадцать. Раненых 30, в том числе сотник Кужуев и подъесаул Мистулов.

Орбелиани стал обходить сотни. Его внимание привлек стоявший сбоку урядник, с головы до ног покрытый грязью.

– Где это ты, братец, так вымазался?

– На перевале, ваше превосходительство. С япошкой сцепился в темноте.

– Ничего, почистишься. Какой станицы?

– Пришибской, ваше превосходительство!

– Отпиши домой, славно дрался!

Орбелиани обнял урядника.

Вопрос о поражении в войне с японцами слишком жгуч для национальной гордости великороссов. Нет спору, что она была чужда русскому народу, но русская дипломатия всячески уклонялась от войны, а японская военщина, вкупе с токийскими политиками, войну развязывала. Разгулявшемуся от легких побед над китайцами и корейцами самурайскому духу стало тесно на островах. Япония, вступая в рискованное единоборство с Россией, воевала, по сути дела, за право разграбления Китая, за подчинение Кореи, за ослабление русской конкуренции на берегах Тихого океана. Токио играл ва-банк: в случае японской победы Россия теряла большую долю своего международного престижа, а империя микадо вступала в ранг ведущих мировых держав.

Но все-таки, почему Россия не стала победительницей?

Представим себе громадное пространство от Читы до Владивостока и от Николаевска до Порт-Артура и мысленно рассредоточим на этой обширной территории 90 тысяч солдат, расставим по холмам 148 пушек и 8 пулеметов. Много это или мало? А именно с такими ничтожными силами Россия встретила вероломное и хорошо подготовленное нападение самураев.

Отличная кадровая армия России даже не была стронута с западных рубежей, сдерживая угрозу возможного нападения двух заклятых врагов – Германии и Австрии. На полях Маньчжурии воевали главным образом солдаты, наспех взятые из запаса, и малоопытные казаки сибирских соединений. Денно и ночью по стыкам рельсов Сибирской магистрали стучали

колеса военных эшелонов: это наши деды и прадеды ехали погибать под Инкоу, Мукден и Ляоян.

И хотя Сибирская магистраль пропускала в то время за сутки всего три эшелона, за два года войны через пламя сражений в Маньчжурии прошло полтора миллиона русских войнов, включая убитых и выживших.

Героизм русских войнов того времени воспет в песнях. Щемящие вальсы – прощания до сих пор волнуют нас, будто мы снова на гулких вокзалах провожаем своих братьев и сестер на желтые сопки Маньчжурии, на зеленые берега Амура...

Небывалая стойкость русского воинства истощила Японию до крайности, она была уже близка к поражению, когда Портсмутский мир спас ее, наложив пятно на знамена боевой славы России.

Японской армии помогала близость метрополии, превосходство ее флота на морских коммуникациях. Но Японская армия уже основательно была измотана.

Позиционная война с весны 1905 г. замерла близ Мукдена, и порою казалось, что ни русские, ни японцы не стремятся более воевать. А в американском Портсмуте уже велись переговоры о мире. Куда не придешь, всюду пережевывают злободневную тему: что потребуют японцы от России и что уступит им Россия.

Летом 1905 года, который самураи считали 2569 годом (со времени восшествия на престол первого микадо), японская армия перенесла боевые действия непосредственно на русские территории. Сначала 3-я дивизия вторглась на Сахалин, где срочно было создано народное ополчение. После Сахалина удар обрушился на Камчатку.

Сахалинская эпопея написана кровью. Японцы пленных даже не расстреливали, а резали штыками, офицерам отрубали головы. Захватив тюрьму, где сидели «бессрочные» каторжники, прикованные к тачкам, солдаты божественного микадо изрубили всех в сечку... У офицеров, попавших в плен на Сахалине, были отрезаны пальцы. Их самураи отрезали вместе с обручальными кольцами.

А 23 августа был подписан Портсмутский мир, который вызвал в народе горькое уныние.

2

Война принесла на Терек новые хлопоты. Снаряжались лошади. Экипировались казаки. Провели несколько сборов по сколачиванию конников. Это все как-то отвлекало казаков от тяжких дум. А вот домашняя работа тяготила. Никакая работа на ум не шла.

Алексей Чумак чувствовал, как все начинает утрачивать смысл, отдаляясь куда-то и отходя своей ненужностью. Даже хата начинает теснить его своими стенами, когда он остается один.

Он вышел во двор, без внимания, как уже не хозяин, обвел глазами плетни и постройки и, томимый какой-то внутренней духотой, душевной спертостью, не находя себе места вышагнул за калитку, на уличный ветерок. Потом зашел на огород, постоял там среди капустных и огуречных гряд, даже прилег у канавы под вербой, но и тут ему не стоялось и не лежалось, и он наконец надумал себе занятие – сходить к Тимофею Переднику да хоть покурить вместе. И, сразу почувствовав облегчение, поспешно встал и зашагал к другу.

Передника дома не оказалось. Вышедшая на собачий лай мать Тимофея сказала, что тот пошел якобы к Зазуле.

Не сиделось в этот день казакам по домам, невозможно: торкнулся Алексей к Илье Зазуле, а того тоже нет дома. Заходил-де за ним Передник да вдвоем вот только утопали к Белобловскому.

Алексей – к Петру, но и того дома не оказалось. Никогда Алексей так резво не бегал по чужим дворам, как сегодня. Не чаял встретить кого-нибудь. Да так вот и забрел к подворью

дедушки Дзюбы. Дом его стоял в общем порядке, но на отшибе, далее пустырь – один репей бушует.

Скосился Алексей на мутные оконца без занавесок и даже вздрогнул неожиданно: в темной некрашеной раме, за серой мутью стекла, как из старой иконы, глядел на него желтенький лик Дзюбы, который делал ему знаки, дескать, зайди, зайди, мил человек.

В другой раз, может быть, и не зашел бы Алексей, отнекался, а тут, и не подумав даже, пнул калитку, проворнее, чем следовало гостю, шагнул в сени и дернул дверь в жилье. Глянул в горницу, а там – мать честная – его товарищи Тимофей Чередник, Илья Зазуля и Петро Белобловский.

Тимофей, как и он, пришел из дома в чем был, а Илья и Петро – в черкесах подтянутые узкими кавказскими ремешками.

Казак, разглядев, кто пришел, оживились, тоже обрадовались.

– Глянь-ка, еще один залетный! Было б запечье, будут и тараканы, – засмеялся дедушка Дзюба. Он был без привычной папахи, и безволосая его головка маячила по комнате, как недозрелая тыковка, какие по осени не берут, оставляют в огородах.

Алексей с тем же радостным, облегчающим чувством крепко потискал всем руки.

– А мы тут... тово... балакаем, – пояснил старый казак. – А ты далече, казак, скакал-то? Гляжу вон, и штаны в репьях.

– Да возле твоего двора, дедушка, чистым не пройдешь.

– Ну, выгон не моя забота чистить, тут хотя-бы у ворот порядок был, – оправдывался тот.

Алексей охотно присел на поднесенную табуретку и обвел глазами холостяцкое жилье дедушки Егора.

Казак перекидывались с одного на другое, все по пустякам, не касаясь главного, что сорвало их со двора и потянуло искать друг друга. Но и пустое Алексею слушать было приятно: в неухоженной Егоровой хате среди сотоварищей, помеченных одной меткой, сделалось ему хорошо и не тягостно, как было перед этим.

Хлопнула калитка, в сенях шумно затоптали, и в хату ввалился Матвей Колодей, да еще и с Никитой, своим шурином, высоким, статным казаком, которого за глаза с послевоенных лет в станице продолжали называть урядником.

Матвей озабоченно-распаленный хлопотами, тут же извлек из камышовой кошелки и выставил на голый стол одну за другой три засургученные поллитровки. Потом пригоршнями стал зачерпывать магазинские пряники и обкладывать ими бутылки. Вслед за ним шурик, перегнувшись пополам, начал таскать из мешка съестное: кругляш горячего, еще парившего хлеба, хороший шмат сала, надрезанный крестом, несколько штук редьки, только что выкопанной из земли. Свежие огурцы и чуть ли не беремья луку, который уже созрел к этому времени.

– Ох, ловко-то как! – засуетился Дзюба. – Ну, ежели так-то, за хлеб, за сальцо спляшем, а за винцо дак и песенку споем. Сейчас, сейчас и я у себя покопаюсь.

Он распахнул темный шкафчик и, привставая на носки, принялся шебаршить на его полках – достал старинную рюмку на долгой граненой ножке, эмалированную кружицу и несколько разномастных чашек.

– Все разного калибру, – виноватился Дзюба, дуя в каждую посудину, выдувая оттуда застоялое время. – Да ведь и так еще говорится: не надо нам хоромного стекла, лишь бы водочка текла. И он, озорно засмеявшись, снова обратился к своему ларю. – А вот вам, орелики, и ножик редьку ошкурить. Не знаю, востер ли? И соль нашлась. Соль всему голова, без соли и жито трава. Да-а... была бы жива старуха, была бы и яишанка. Ну да что теперь толковать...

Увидев все это на столе, Алексей с неловкостью сознался:

– У вас тут, гляжу, складчина. А мне и в долю войти не с чем...

– Да уж ладно, – загомонили друзья, – без твоей доли обойдемся. Нашел об чем. Не тот день, чтоб считаться. Давай подсаживайся.

Казачи подвинули лавки, расселись вокруг стола, источавшего огуречный дух с едкой примесью редьки и, пока Матвей разливал по сосудам, уклончиво глядели себе под ноги.

– Ну, помолчали, а теперь и сказать не грех, – подтолкнул дело хозяин. – Есть охотники? Казачи помялись и промолчали.

– Ну, тогда я, ежели позволите.

– Скажи, дедушка, скажи.

– Ты хозяин, тебе и слово.

Егор привстал, прихорошил ладошкой сивую бородку, поднял рюмку, задержал ее перед собой, как свечу:

– Ну да, стало быть, подступил ваш час, ребятушки. Приспело времечко и вам собирать сумы. Думал я, когда та кончилась, что последняя. А нет, не последняя. Накопилась еще одна, вошла туча над полем...

Дзюба задержал взгляд на окне.

– Тут у нас все по-прежнему, – кивнул он в оконце. – Вон как ясно, тишина, благодать. Но идет на Россию туча. С громом и польем.

Старик подвигал туда-сюда бровями, словно сметая в кучку остатные мысли, какие еще собирался вымолвить, но, смешавшись, махнул рукой.

– Ну да ладно... Хотел еще чево сказать, да что тут говорить... Ступайте с Богом, держитесь... Это и будет вам мое слово. На том и выпейте.

Будто пробудившись, казаки ожили, потянулись наперекрест, кто чем, нехорошей посудой, стукнулись и выпили молча и жадно. Ели тоже молча, замедленно ворочая челюстями, жевали пополам с думой.

– Да-а, – почесал за ухом Матвей. – Не ко времени война зачалась.

– А и когда война была нашему брату в пору? – посмеялся дед Егор. – Смерть да война не званы завсегда.

– А я уже было сарайчик начал плести, – сокрушался Матвей. – Знал бы – и не начинал.

– Нам, татарам, все равно на Русь идти, – засмеялся Дзюба. – Завсегда дела находятся. То б надо, это бы... Да вон и у Алешки баба на последних сносях пышкает, как квашня перед праздником. Тоже надо бы погодить с войной. Так ли, Алеш?

– Да уж скоро б должна родить, – потупился Алексей, почувствовав, как от этого напоминания какой-то тоскливый червь опять тошно соснул между ребер.

Матвей снова расплескал по чаркам, казаки, оборвав разговор, согласно выпили и дружно закусили.

– А я так думаю, – начал разговор Никита Казей. – На войну, что в холодную воду, – уж лучше сразу. А так маета с думой хуже вши заест. Еще и не воевал, а уже вроде упокойника. А сразу – как нырнул. Чтоб душа не казнулась. Да и баб не слушать.

– Э-э, ребятки! Не вешайте носов! – сказал Дзюба с бодрей. – Не те слезы, что на рать, а те, что опосля. Еще бабы наплачутся... Ну да об этом не след. Налей-ка, Матвейошка, товарищам для веселья.

И, остановившись позади Черед ника и Алексея, обхватил их за плечи, затянул свою любимую:

Скакал казак через долину,
Через Кавказские края...

Но тут же откачнулся от обоих, мотнул бородкой и лихо сказал:

– А по мне так так: али голова в кустах, али грудь в крестах.

– Ага... Давай, дед, давай... – с усмешкой сказал Никита Казей. Дзюба, задетый этой усмешкой, полез в сундук.

– Глянь-кось, экий затейник! Али я этого не прошел? Было мое время, – обиженно говорил старик, доставая черкеску с медалями.

– На-кось, Никита Петрович, ежели веры мне нету... На вот погляди.

Никита пьяно, осоловело смигивал.

– А что глядеть-то? – спросил он, поглядывая на звенящие награды деда.

– Дак вот посмотри.

– Орден, что ли? – виновато ответил тот.

– Егорий, сыночки, Егорий, – обрадованно закивал Дзюба, задрожав губами.

Казак потянулись смотреть. Орден разглядывали и бережно передавали из рук в руки.

– А за что его тебе дали, дедушка? – спросили Егора.

– Вот и ответ тебе мой, Никитушка. Ты токмо народился, в люльке под себя сюкал, а я уже, милый ты мой, невесть где побывал. Шипка, может слышал?

– А где это?

– Далеко-о, браток, отседова – в Болгарии. Уж не слыхал про такое? Дед же твой Ипполит Никанорыч, Царство ему небесное, тоже там побывал. Разве не сказывал?

– Может, и говорил чево, – вяло отвечал Никита. – Уж и дед, не помню, когда помер.

– Вот видишь, как оно?.. Плохо, что не помнишь... Мне его сам генерал Гурко вручал, – Егор растерянно замигал безволосыми веками.

Старик остановился лицом, согнал с него все ненужное, обыденное, оставив лишь скорбную суровость, запел:

Вспомним, братцы, про былое,
Что как сладкий сон прошло,
Жизнь – раздолье удалое,
Наше время – золото!

Но сил хватило на одну лишь запевку, и глаза его вновь заволоклись и повлажнели.

– Такая вот, ребята, песня. Язви тя, голосу не хватает. Я как услышу где, сразу и являются передо мной те дальние места. И доси помнятся. Сколько там, на войне, казаков сложило головы.

Не раз генерал Гурко, награждая крестом или медалью, говорил казакам: «Прежде чем получить этот крест, каждый из вас ждал себе другого креста – и не на родной стороне, а на чужбине. Вот почему поднимается рука ломать шапку перед вами, и первое всего хочется вспомнить ваших товарищей, что оставили свои кости на чужой стороне».

Дзюба утерся тряпицей и опять просиял добродушно и умиротворенно, укладывая обратно в сундук свою парадную черкеску с наградами. А потом при всеобщем раздумье он, укоризненным бормотком, сказал:

– Приспел и ваш черед «ура» кричать. Теперича выкрикивайте свои ордена-медали.

Они дружно выпили, и из дома понеслась песня:

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я друзья!
Прощай, мой край, где я родился,
Прощайте, вся моя родня...

Глава III

*Еще туманны образы сраженья
Бумах владык, задумавших его,
Не созваны полки, не взвешены сомненья —
Но сколько юношей в тот час уже мертво!*

В. Ян. Древняя битва. Из восточной летописи

1

Лето 1914 года...

«5 августа возьму Брюссель, 11-го обедаю в Париже, 19-го высаживаюсь близ Петербурга».

Так если верить печати, отмечал германский император Вильгельм в своем журнале походные планы после того, как объявил войну почти всей Европе.

Эта война готовилась в течение многих лет. Еще в конце XIX – начале XX века мир разделился на две враждебные коалиции – Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Тройственное согласие, или Антанта (Англия, Франция и Россия). Главной причиной Первой мировой войны была борьба между двумя этими коалициями, а прежде всего – между Германией и Англией, за колонии и сферы влияния. Война носила захватнический характер как со стороны австро-германского блока, так и со стороны Антанты. Империалистам нужны были новые рынки сбыта, источники сырья, колонии. Особенно велики были аппетиты у германских империалистов, которые намеревались отнять колонии у своих соперников, расчленив Россию, отторгнуть от нее Украину, Белоруссию, Польшу, Прибалтику, подчинить Балканы. Россия хотела воспрепятствовать усиливающемуся влиянию Германии и Австро-Венгрии на Балканах и Ближнем Востоке, так как это угрожало экономическим и стратегическим интересам России. В то же время Россия рассчитывала, победив противника, приобрести новые рынки.

Военные заказы и поставки на армию сулили русским капиталистам огромные барыши. Царское правительство надеялось также, что война отвлечет народные массы от революционной борьбы.

Германия предполагала сначала молниеносным ударом разгромить Францию, а затем обрушиться на Россию. Разрабатывая план «молниеносной» войны, германский генеральный штаб хотел избавить страну от затяжной войны на два фронта.

Ход военных действий в первые дни войны как будто соответствовал этим планам. Немецкие войска через Бельгию вторглись в Северную Францию и быстро продвигались к Парижу. Англо-французские войска поспешно отступали.

Стремительное наступление германских войск на Париж заставило русское командование изменить свои планы и начать боевые действия с вторжения в Восточную Пруссию.

1-я и 2-я русские армии Северо-Западного фронта вторглись с востока и юга в Восточную Пруссию и 7 (20) августа в Гумбинен-Гольдапском сражении нанесли поражение 8-й германской армии, которая отступила к Висле. Германский штаб сменил командование 8-й армии и перебросил в Восточную Пруссию два корпуса и одну кавалерийскую дивизию с Западного фронта и одну ландверную дивизию из Северной Германии, то есть русские оказали существенную помощь накануне решительного Марнского сражения.

Командование 8-й германской армии, прикрывшись против бездействовавшей 1-й русской армии (генерала П. К. Ренненкамфа) слабым заслоном, перебросила основные силы против 2-й армии генерала А. В. Самсонова и нанесла ей тяжелое поражение. Затем германское командование направило 8-ю армию против 1-й русской армии и к 1 (14) сентября вытеснило ее из пределов Восточной Пруссии. Исключительно плохое управление войсками со стороны командования Северо-Западного фронта и 1-й армии явилось причиной неудач русских войск в Восточной Пруссии.

Одновременно с боями в Восточной Пруссии с 5 (18) августа началась Галицийская битва 1914 г., в которой армии Юго-Западного фронта (генерал Н. Н. Иванов, нач. штаба – генерал М. В. Алексеев) нанесли тяжелое поражение австро-венгерской армии, заняв 21 августа (3 сентября) Львов.

30 августа (12 сентября) австро-венгерские войска начали общее отступление и к 4 (17) сентября отошли за реку Дунаец.

Под крики и ругань, щелканье кнутов и треск осей об оси, в грязи и дожде двигались сплошной лавиной обозы наступающей русской армии. Телеги, покрытые брезентами, возы с соломой и сеном, санитарные повозки, огромные корыта понтонов, покачиваясь и скрипя, двигались по широкому, залитому жидкой грязью шоссе.

Иногда в этот поток врвался военный автомобиль. Начинались крики, кряканье, лошади становились на дыбы, валилась под откос груженная телега, скатывались вслед за ней обозные.

Далее, где прерывался поток экипажей, шли, далеко растянувшись, скользили по грязи солдаты в накинутах на спины мешках и палатках. В не стройной их толпе двигались возы с поклажей, с ружьями, торчащими во все стороны, со скорченными наверху денщиками.

Этот грохочущий поток то сваливался в лощину, теснился, орал и дрался на мостах, то медленно вытягивался в гору и пропадал за перевалом. С боков в него вливались новые обозы с хлебом, сеном, снарядами. По полю, перегоняя, проходили небольшие казачьи части.

Иногда в обозы с треском и железным грохотом врезалась артиллерия. Огромные грудастые лошади и ездовые на них, хлеща по лошадям и людям, как плугом расчищали шоссе, волоча за собой подпрыгивающие тупорылые пушки. Отовсюду бежали люди, вставали на возах и махали руками. И опять смыкалась река, вливалась в лес, остро пахнущий грибами, прелыми листьями и весь мягко шумящий от дождя.

Верстах в двадцати пяти от этих мест глухо перекатывался по дымному горизонту гром орудий. Туда вливались эти войска и обозы день и ночь. Туда со всей России тянулись поезда, груженные хлебом, людьми, снарядами. Вся страна всколыхнулась от грохота пушек. Наконец настала воля всему, что в запрете и духоте копилось в ней жадного, неутоленного, злого. В грохоте пушек был возбуждающий голос мировой грозы.

Доходя до громыхающей на десятки верст полосы боя, обозы и воинские части разъезжались и таяли. Здесь кончалось все живое и человеческое. Каждому отводилось место в земле, окопе. Здесь он спал, ел, давил вшей и до одури стрелял из винтовки в полосу расположения противника. Здесь в любое время могли раздаваться сигналы, и офицеры с перекошенными губами с руганью, криком и побоями поднимали солдат. И, спотыкаясь, с матерной бранью и звериным воем бежали нестройные кучки людей по полю, ложились, вскакивали и, оглушенные, обезумевшие, потерявшие память от ужаса и злобы, врвались в окопы врага.

Был свежий солнечный день, когда сюда, на позиции, прибыла терская казачья бригада, в составе которой была и сотня 1-го Владикавказского полка. Сотня должна была присоединиться к полку, которым командовал полковник Вихров. Полк был на линии боя, но где протянулась эта линия, казаки не знали. Решено было выслать разъезд, старшим которого был назначен урядник Никита Казей. Вызвали охотников. Человек десять порасторопнее вышли

сразу, остальные, потоптавшись, объявили, что они тоже хотят идти и только стыдятся напрашиваться.

Казей выбрал восемь человек, опять-таки побойчее. В их числе оказались его друзья – Колодей, Гевля и Лутай.

Этот день навсегда останется в священной памяти казаков. Они были дозорными и первый раз на войне почувствовали, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо въезжать в незнакомый лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления. Они понимали, что, разыскивая своих, они легко могли выехать на австрийцев.

Уже совсем близко, словно большие кузнечные молоты, гремели пушки противника, и наши залпами ревели им в ответ. Где-то убедительно быстро на своем ребячьем и странном языке лепетал непонятное пулемет.

Только перед вечером за редким перелеском они нашли нужный им полк. Армейский полк, куда были приписаны терцы, наступал с боями. Больше половины офицерского и солдатского состава было выбито, пополнений они не получали и все ждали только одного: когда их, полуживых от усталости и обносившихся, отведут в тыл.

Но высшее командование стремилось до наступления зимы во что бы то ни стало вторгнуться через Карпаты в Венгрию и опустошить ее. Людей не щадило – человеческих запасов было много. Казалось, что этим длительным напряжением третий месяц не прекращающегося боя будет сломлено сопротивление отступающих в беспорядке австрийских армий, падут Краков и Вена и левым крылом русские смогут выйти в незащищенный тыл Германии.

Следуя этому плану, русские войска безостановочно шли на запад, захватывая десятки тысяч пленных, огромные запасы продовольствия, снарядов, оружия и одежды. Но было что-то в этой войне выше человеческого понимания. Казалось, враг разгромлен, изошел кровью, еще усилие – и будет решительная победа. Ан нет! Усилие совершилось, но на месте растаявших армий врага вырастали новые, с унылым упрямством шли на смерть и гибли.

Каждое утро, еще затемно, казаки покидали свой ночлег, выбирались на позиции и весь день проводили за каким-нибудь бугром, то прикрывая артиллерию, то просто поддерживая связь между подразделениями и частями.

Наступила осень, дул пронзительный ветер, и казаки с синими лицами и покрасневшими веками, чтобы согреться, плясали вокруг лошадей и засовывали под седла окованные пальцы. Иногда, чтобы согреться, кучами шли друг на друга и молча барахтались на земле. Порой казаков развлекали рвущиеся поблизости шрапнели. Кое-кто робел, другие смеялись над ним и спорили, по ним или не по ним стреляет противник. Настоящее томление наступало только тогда, когда уезжали квартиреры на отведенный казакам бивак и они ожидали сумерек, чтобы последовать за ними.

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и казаки, выставив сторожевое охранение, отправились на ночлег. Под бивак им отвели обширную благоустроенную усадьбу, с сыроварней, пасекой, конюшнями, где стояло несколько лошадей. По двору ходили куры, гуси, где-то мычали коровы, а вот людей нигде не было. Сотник с хорунжим заняли одну из парадных комнат, Никита с друзьями – другую, остальным досталось все остальное. Наколоты дров, растопили печь и сели за ужин. Эту ночь они блаженствовали в тепле и сытости.

А на следующий день казакам внезапно скомандовали седлать, и они так же внезапно переменным аллюром прошли верст пятьдесят. Выезжая временами на шоссе, они слышали глухой, как морской прибой, стук бесчисленных копыт и догадывались, что впереди и позади их идут другие кавалерийские части и что им предстоит большое дело.

Ночь далеко перевалила за полночь, когда они стали на ночлег. А утром им пополнили запас патронов, корма лошадям, и они двинулись дальше. Местность была пустынна: какие-то буераки, низкорослые деревья, холмы. Построились в боевую линию, назначили, кому спе-

шиваться, кому быть коноводом, выслали вперед разъезды и стали ждать. Поднявшись на пригорок и спрятавшись за кустами, казаки стали наблюдать за открытой местностью, простиравшейся на версту. По ней были расставлены наши заставы. Они были так хорошо укрыты, что сразу их было и не рассмотреть. Но что это?

– Смотрите, смотрите! – раздалось среди казаков, которые указывали руками в направлении появившегося противника.

Три колонны мерным шагом наступают на наши позиции. Над головами врагов взвиваются облачка шрапнелей, передние ряды падают, но другие становятся на их место и продвигаются вперед.

– Вот и настала наша очередь вступить в бой, – сказал командир сотни и подал команду:

– Ложись... прицел восемьсот, сотня, пли! – и терцы уже больше ни о чем не думали, а только стреляли, заряжали. Лишь где-то в глубине сознания жила уверенность, что все будет как нужно, что в должный момент им скамандуют идти в атаку или садиться на коней и тем или другим они приблизят ослепительную радость победы.

Наступление было остановлено, и поздним вечером казаков отвели на ночлег. На следующий день надо было расследовать, какие пункты занял неприятель, где он окапывается, где попросту помещает заставы.

Разъезд был дальний, поэтому его возглавил хорунжий Востриков. Казакам было поручено наблюдать район версты в четыре и сообщать обо всем, что заметят. Местность была совершенно ровная, и на ней, как на ладони, виднелись три деревни. Одна была занята нашими, о двух других ничего не было известно.

Держа винтовки в руках, казаки осторожно въехали в ближайшую деревню, проехали ее до конца, и, не обнаружив неприятеля, с чувством полного удовлетворения напились парного молока, вынесенного им красивой, словоохотливой старухой. Потом хорунжий отозвал Казея в сторону и приказал:

– Бери двух дозорных и езжайте в следующую деревню, мы будем следовать за вами на расстоянии видимости, понял?

– Так точно!

– Увидите что подозрительное – сигнализируйте нам, – И он показал условные сигналы.

Поручение пустяшное, но все-таки серьезное, и главное – первое, в котором Никита мог проявить свою инициативу. Кто не знает, что во всяком деле начальные шаги приятнее всех остальных.

Никита решил идти не лавой, то есть в ряд, на некотором расстоянии друг от друга, а цепочкой, то есть один за другим. Таким образом, считал он, люди подвергнутся меньшей опасности, и они получают возможность скорее сообщить что-нибудь новое. Разъезд следовал за ними на расстоянии.

Они въехали в деревню и оттуда увидели, что к ней направляется колонна врага. Он подал сигнал хорунжему, но в это время возле них взвилось облачко пыли, и раздалась винтовочные выстрелы. Никита оглянулся и понял, что над ними нависла серьезная опасность. Дорога к разъезду отрезана, а с другой стороны движется колонна. Оставалось скакать прямо на врага, промчаться перед его фронтом к дороге, по которой ушел наш разъезд. Это была трудная минута в его жизни. Лошадь спотыкалась, несясь по вспаханному полю, пули свистели мимо ушей, одна даже оцарапала луку его седла. Он смотрел на врагов и видел их растерянные лица. Невысокий пожилой офицер, странно вытянув руку, стрелял в него из револьвера. Этот звук выделялся каким-то дискантом среди остальных. Два всадника выскочили, чтобы преградить дорогу казакам, но они выхватили шашки, и те замялись. Может быть, они просто побоялись, что их подстрелят их же товарищи.

Все это в те минуты казаки запомнили лишь зрительной и слуховой памятью, осознали же много позже. Перескочив через канаву, которая обрамляла пахотное поле, они выскочили на гладкую дорогу, по которой полным карьером догнали свой разъезд.

А через неделю им пришлось выполнить не менее ответственную задачу.

Смеркалось. Казаки разбрелись по сеновалам и клетушкам большой усадьбы, где устроились на ночлег, но внезапно взводу, которым командовал теперь Никита Казей, было велено срочно собраться.

– Пойдете в ночную разведку, – сообщил есаул и, объясняя задачу подчеркнул, что разведка будет опасной.

– А кто пойдет? – спросили несколько человек у есаула.

– Командиру видней, – ответил им тот.

Решили, что взводный сам назначит охотников. Никита определил вместе с собой десять человек.

На конях доехали до пехотного сторожевого охранения. За деревьями спешили, оставили троих коноводами и пошли расспросить пехотинцев, как обстоят дела. Усатый старшина, спрятавшийся в воронке от тяжелого снаряда, рассказал, что из ближайшей деревни несколько раз выходили неприятельские разведчики, крались полем к нашим позициям и уже два раза стреляли. Никита решил пробраться в эту деревню, и, если возможно, забрать какого-нибудь разведчика живьем.

Светила полная луна, но, на счастье, она то и дело скрывалась за тучами. Выждав одно из таких затмений, дозор, согнувшись, гуськом побежал к деревне. У околицы остановились. Никита решил сам пройти по деревне и посмотреть, что делается за нею. Оставив отряд на месте – они с Путаем пошли. Он – по одну сторону улицы, Путай – по другую. Деревня словно притаилась, и они с осторожностью перебежали от одного дома к другому. Никита старался идти впереди товарища, но слишком торопиться все-таки страшно, так как в любое время можешь встретить острый и холодный, направленный на тебя штык. Вот и конец деревни, Луна пробивается сквозь неплотный край тучи, становится чуть светлее. Никита видит перед собой темные бугорки окопов, чуть продолговатые блиндажи и, словно фотографируя их в памяти, определяет их длину и направление. Чуть дальше такая же линия и сооружение посolidнее «Может, это замаскированные, которые так часто осыпают наших шрапнелью», – подумал Казей и замер. Сбоку мелькает крадущаяся фигура. Это враг, столкновение неизбежно. В мозгу лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: «Или я его, или он меня». Тот вглядывается в Никиту и тихонько свистит каким-то особенным, очевидно, условным свистом. Никита поднимает винтовку и, понимая, что стрелять нельзя, – кругом враг, бросается вперед с опущенным штыком. Мгновение – и перед ним никого нет. Начал всматриваться. Что-то чернеет. Попробовал штыком – труп. Только успел обернуться – прогремел выстрел и пуля просвистела перед самым лицом. «В распоряжении несколько секунд, пока враг будет менять патрон в патроннике», – подумал Никита и побежал к своему отряду. Из окопов послышалась частая стрельба, но она особенного страха у Никиты не вызвала, так как он уже знал, что ночная стрельба малоэффективна. Но когда луна осветила поле, он бросился ничком на землю и быстро отполз в тень домов, там идти уже было почти безопасно. Лутай возвратился одновременно с Никитой. Они благополучно вернулись к коням. Обменялись впечатлениями, поужинали хлебом с салом. Казей написал и отправил донесение. Стали думать, нельзя ли что-нибудь еще устроить. Но, – увы! – ночной ветер в ключья изодрал тучи, круглая красноватая луна опустила над неприятельскими позициями. Все было видно как на ладони. Но они назло судьбе вновь поползли в сторону неприятеля. Луна же могла опять скрыться, или мог им встретиться какой-нибудь шальной разведчик. Однако ничего этого не случилось, их обстреляли, и они уползли обратно, проклиная лунную ночь и осторожность противника.

Добытые ими сведения пригодились, дозор весь поблагодарили, а Никита Казей за эту ночь получил Георгиевский крест.

2

Следующая неделя выдалась для казаков сравнительно тихая. Полк занимал новые позиции, и артиллерия была по вторым австрийским линиям, откуда отвечали вяло. Дождик перестал, туман развеялся. Никита, выехав на пригорок, глядел на поле, по которому они бежали накануне ночью. Поле как поле, бурое, мокрое, кое-где обрывки проволок. И речка – совсем близко. Через нее и переправлялся полк.

Австрийцы продолжали отходить, и русские части, не отдыхая, преследовали их. Казакам было приказано занять лесок, синевший на горке, и они после короткой перестрелки заняли его.

Днем казаки лежали на опушке соснового леса и слушали отдаленную пушечную стрельбу. Слегка пригревало бледное солнце, земля была густо устлана мягкими, странно пахнущими иглами. Как всегда зимой, Никита томился по жизни летней природы, и так сладко было, совсем близко вглядываясь в кору деревьев, замечать в ее грубых складках каких-то проворных червячков и микроскопических мушек. Они куда-то спешили, что-то делали, несмотря на то, что на дворе стоял декабрь. Жизнь теплилась в лесу, как внутри черной, почти холодной головешки теплится робкий тлеющий огонек. К вечеру им пришел приказ: оставаться в лесу на всю ночь. Выставили сторожевое охранение, поели, что было в мешках, и в тиши, в темноте и лесной прели многие заснули.

Никита, накинув бурку, сидел на пне, прислонившись к мягкому от мха стволу дерева. Он смотрел на ясные от морозца звезды и забавлялся, соединяя их в воображении золотыми нитями. Потом стал различать на небосводе различные эмблемы, мечи, кресты, чаши в непонятных для него сочетаниях. Наконец явственно вырисовались небесные звери... Он дремал... И ему привиделось, что он дома.

– Там, на загнетке, борщ, поешь, – слышится с печи голос матери.

– Не хочу, мать, – отказался он.

В запечье закрипели пересохшие доски, донесся горестный вздох старого, нагруженного человека, и во сне томившегося какой-то одной неусыпной думой:

– Ох ты господи, защити и помилуй.

Луна выстлала голубой холодный квадрат на полу, прихватила светом кусок ситцевой занавески, делившей горницу пополам. В той занавешенной ее части стояла его с Мариной самодельная деревянная кровать с резными спинками, а минуя ее, в глубине, за печным выступом, были сооружены просторные палаты для сынишки.

Никита легонько отстранил занавеску. Лунный свет выбелил Маринино лицо, повернутое к нему, обездвиженное первым изморным забытием, с безвольно разомкнутыми губами.

– Марин, а Марин... – покликнул он сторожкой. – Слышь-ка.

– Это я, – прошептал он, следя за ее оживающими, но все еще притворенными глазами.

Никита кинул взгляд на детские палаты, где, сражено пав, разметав руки, спал его сынишка, подсел на край Марининой кровати.

– Прости, припозднился я, – и, опять не получив ответа, осторожно, опасливо покосился на жену.

– Утром еще мне сообщили, что записан я идти на войну в первую очередь, – проговорил он. – Не хотел тебе говорить – на днях отправляться.

Взглянул – и прикусил разбухший, непослушный язык: Марина, закрывшись ладонью, тихо, беззвучно плакала, всколыхиваясь большим, размягченным телом.

– Али знала уже?

– Да что ж не знать, – давя всхлип, выговорила она, – вся станица знает.

– Ну, будет реветь. Не один я. Поди из каждого двора.

– Ты-то пойдешь не один, да ты-то у нас один.

– Ну да что толковать? Жил? Жил! Семью, дитя нажил? Нажил – стало быть, иди, обороняй. А кто же за меня станет?

Никита, тяжело ворочая мыслью, говорил это не только жене, но и самому себе, в чем и сам нуждался в эту минуту.

Чувство вины полоснуло его, и он потянул к себе Марину, ища ее губы. Та отстранилась, загородилась от него ладонью.

– Не надо, Никиш...

– Чего ты...

– Отпусти, не надо...

– Ну, Марина, – шептал он.

– Угомонись. Вон Лешка рядом.

– Ну, да и что? – бормотал он.

– Глянь, дурной. Да и мать не спит.

– Ну, пошли в сарайку.

– Нет, Никита, нет...

– Ухожу ведь, – обиделся Никита, – как же я помнить тебя буду? Там-то? На полгода, не меньше, а то и на весь год ухожу.

– Знаю, Никиша, знаю. Да разве одним этим дом помнится? Вон сынишка спит. Его и меня помни. Тебя не было, а он так намотался, на помотался. Даже дрова брался колоть, хекал-хекал, как старичок, а самого топор перевешивает. А ему сколь еще всего без отца достанется?

– Ну ладно, не каркай.

– А что не каркать? Тяжко мне, Никитушка.

– Табачку нигде близко нету? – почему-то спросил Никита.

– Что?

– Да ладно... На нет и суда нет.

Никита очнулся и увидел над собой небо. Он видел, как Большая Медведица, опустив морду, принохивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища, кого ему ужалить. На мгновение его охватил невыразимый страх. Он попросил у соседа махорки, свернул цыгарку и с наслаждением выкурил ее, зажав руками, – курить иначе значит выдать неприятелю свое расположение.

В результате общего наступления фронт был выровнен. Кое-где пехота отбивала противника, пытавшегося контратаковать, казачья сотня занималась усиленной разведкой.

Разъезду под командованием есаула было поручено наблюдать за одним из таких боев, сообщать об его развитии и при необходимости оказать помощь. Казаки нагнали пехоту в лесу. Маленькие серые солдатики со своими огромными сумками шли вразброд, теряясь на фоне кустарника и сосновых стволов. Одни на ходу закусывали, другие курили, молодой прапорщик помахивал тростью. Полк шел в бой как на обычную полевую работу, и чувствовалось, что в нужную минуту все окажутся на своих местах без путаницы, без суматохи, и каждый отлично знает, где он должен быть и что делать.

Командир на лохматой казачьей лошадке поздоровался с есаулом и попросил узнать, есть ли перед деревней, на которую он наступал, неприятельские окопы. Казаки были очень рады помочь пехоте, и сейчас же был выслан дозор, который повел Никита Казей. Местность была удивительно удобная для конников: холмы, из-за которых можно было неожиданно показываться, и овраги, по которым легко было уходить.

Едва они поднялись на пригорок, щелкнул выстрел. Это был неприятельский секрет. Они взяли вправо и поехали дальше. В бинокль было видно все поле до деревни, оно было

пусто. Казей послал одного человека с донесением, а с остальными тремя соблазнился пугнуть обстрелявший их секрет. Для того, чтобы точнее узнать, где он залег, Никита высунулся из кустов, услышал снова выстрел и, наметив пригорок, откуда он мог вестись, помчался на него, стараясь оставаться невидимым со стороны деревни. Они доскакали до пригорка – никого.

– Неужели ошибся? – в горячах произнес Никита.

– Нет, нет, тут они. – Один из казаков, спешившись, поднял новенькую австрийскую винтовку, другой заметил свеженарубленные ветки, на которых только что лежал австрийский секрет. Они поднялись на холм и увидели троих бегущих во всю прыть людей. Видимо, их смертельно перепугала неожиданная конная атака, потому что они не стреляли и даже не оборачивались.

Преследовать их было невозможно, так как казаков обстреляли бы из деревни, кроме того, из леса уже вышла наша пехота.

Наступление нашей пехоты – красивое зрелище. Казалось, серое поле ожило, начало морщиться, выбрасывая из своих недр вооруженных людей на обреченную деревню. Куда ни обращался взгляд, он везде видел серые фигуры, бегущие, ползущие, лежащие. Сосчитать их было невозможно. Не верилось, что это были отдельные люди, скорее это был цельный организм, действующий по единому плану и приказу.

Как гул землетрясений грохотали залпы и несмолкаемый треск винтовок. Как болиды³ летали гранаты, и рвалась шрапнель.

И все это было перед взором казаков.

Они въехали в деревню, когда на другом конце ее еще кипел бой. Пехота двигалась от дома к дому, все время стреляя, иногда идя в штыки. Стреляли и австрийцы, но от штыкового боя уклонялись, спасаясь под защиту пулеметов.

Казаки вошли в крайний дом, где собирались раненые. Их было человек десять. Они все были в работе. Раненые в руку притаскивали жерди, доски, веревки, раненые в ногу быстро устраивали из всего этого носилки для своего товарища с насквозь прострелянной грудью. Хмурый австриец, с горлом, проткнутым штыком, сидел в углу, кашлял и непрерывно курил сигарки, которые ему вертели наши солдаты. Когда носилки были готовы, он встал, уцепился за одну из ручек и знаками показал, что хочет их нести. С ним не стали спорить и только скрутили ему сразу две сигарки.

Казаки возвращались обратно немного разочарованные. Надежда в конном строю преследовать бегущего неприятеля не оправдалась.

Австрийцы засели в окопах за деревней, и бой на этом закончился.

В штаб казаки вернулись в полночь. Поели в сухомятку и легли спать. Ночью их подняли по тревоге, но потом дали Отбой. Утром один взвод отправили в штаб дивизии, чтобы служить связью между полками, а остальные остались на месте.

Местечко, где располагались казаки, было пустынно. Жители его бежали еще накануне, обоз ушел, пехота тоже. Казаки сидели больше суток, слушая медленно удаляющуюся стрельбу, представляя, как пехота ломает оборону противника, как кавалерия и вместе с нею их братья – казаки лавой врезаются во фланги и заходят в тыл противнику. Рослый и широкоплечий полковник каждую минуту подбегал к телефону в штабе и кричал в трубку: «Так... отлично... надавите еще немного... все идет хорошо». И от этих слов по пехотным цепям, перелескам, где сосредотачивались казаки, разливались уверенность и спокойствие, столь необходимые в бою. А молодой полковник по временам выходил на крыльцо послушать стрельбу и улыбался тому, что все идет так, как нужно.

Степенные, бородатые казаки, беседовали с уланами, которые проявляли при этом ту изысканную любезность, с которой относятся друг к другу кавалеристы разных частей.

³ Болид – *bolide* (фр.), от греческого *bolis* — метательное оружие.

Они сообщили казакам, что пять человек из их эскадрона попали в плен. К вечеру, правда, казаки уже видели одного, а остальные отсыпались на сеновале. Вот что с ними случилось. Их было восемь человек в сторожевом охранении. Двое стояли на часах, шестеро сидели в домишке. Ночь была темная, ветреная, враги подкрались к часовому и опрокинули его. Подчасок дал выстрел и бросился к коням, его тоже опрокинули. Сразу человек пятьдесят ворвались во двор и принялись палить в окна дома, где находился пикет. Один из них выскочил на порог, но споткнулся, а за ним все остальные. Неприятеля, а это были австрийцы, обезоружили их и под конвоем тоже пяти человек отправили в штаб. Десять человек оказались одни, без карты, в полной темноте, среди путаницы дорог и тропинок.

По дороге австрийский унтер-офицер на ломаном русском языке все расспрашивал уланов, где «кози», то есть казаки. Уланы с досадой отмалчивались, и, наконец, объявили, что «кози» именно там, куда их ведут, в стороне неприятельских позиций. Это произвело чрезвычайный эффект. Австрийцы остановились и принялись о чем-то оживленно спорить. Ясно было, что они не знали дороги. Тогда наш унтер-офицер потянул за рукав австрийского и ободриительно сказал: «Ничего, пойдем, я знаю, куда идти». Пошли, медленно загибая в сторону русских позиций.

В белесых сумерках утра среди деревьев мелькнули серые кони – гусарский разъезд «Вот и кози!» – воскликнул наш унтер, выхватывая у австрийца винтовку. Его товарищи обезоружили остальных. Гусары немало смеялись, когда вооруженные австрийскими винтовками уланы подошли к ним, конвоируя своих только что захваченных пленников. Опять пошли в штаб, но теперь русский. По дороге встретился казак. «Ну-ка, дядя, покажи себя», – попросили уланы. Тот надвинул на глаза папаху, всклокочил пятерней бороду, взвизгнул и пустил коня вскачь. Долго после этого пришлось ободрять и успокаивать австрийцев.

3

А казаки-терцы, находясь при штабе дивизии, наступали. Казачья сотня шла в авангарде, и ее разъезды выполняли различные разведывательные задачи. Поднявшись на невысокий холм, они увидели ферму, в которой мог скрываться противник. Поснимав с плеч винтовки, они осторожно приблизились к ней.

– Где солдаты? – спросили они у старика, вышедшего с вилами в руках из сарая.

Тот быстро, словно повторяя заученный урок, ответил, что они прошли полчаса тому назад, и указал направление.

– Точно? – еще раз спросил его старший урядник Казей, удивившись, что тот показал направление в сторону от дороги.

Старик, давно перешедший возраст ландштурмиста, робко смотрел на казаков и молчал. Переспрашивать не стали.

– Едем за ними, – скомандовал Казей, и они поехали дальше.

В километре от фермы начинался лес.

– Туда они добраться не успели, – сказал урядник и обратил внимание на кучи соломы.

– Вот где могут прятаться вражеские разведчики, – заметил он и с инстинктом охотника стал объезжать солому, чутко прислушиваясь и держа винтовку наготове. Лошадь фыркала, поводила ушами и слушалась неохотно. Остальные казаки тоже стали окружать стожки.

– Пальните в воздух, – приказал Казей, и когда несколько казаков дали залп, из соломы на четвереньках, с медвежьей ухваткой, стали вылезать солдаты в черных шинелях и в касках на головах. Они поднимали руки и сдавались в плен.

– Молодцы, ребята! – похвалил казаков подскакавший есаул. – Вовремя вы их открыли. Это разведка, а основные силы неприятеля в лесу. Через несколько минут наша артиллерия примется за дело. Продолжаем свое дело.

Казачи вернулись к ферме и поехали по дороге. Через час в небе появился неприятельский аэроплан. Он, как ястреб над спрятавшейся в траве перепелкой, постоял над казачьим разъездом и стал медленно спускаться к югу.

Казачи уже знали, что появляющиеся в этих окрестностях австрийские аэропланы проводят «охоту» на движущиеся русские колонны, обстреливая из пулеметов и сбрасывая бомбы. Не ограничиваясь этим, аэропланы, заметив работающих в поле крестьян, начинают обстреливать и мирных поселян из пулеметов.

И вот аэроплан, охотившийся, по видимому, за русскими колоннами, спустился в поле в окрестностях.

Работающие в поле люди, заметив, что аэроплан австрийский, бросились в рассыпную и встретили казаков.

– Берем летчиков, – скомандовал Казей. – Лутай, зайди правее! И они лавой двинулись к самолету.

Летчики, увидев возвращающихся крестьян с казаками, стали спешно готовиться к подъему. Пасущееся около места спуска стадо коров, испугавшись несущихся аллюром лошадей, бросилось в сторону аэроплана и рогами разбило пропеллер у аппарата. Не смогишие подняться летчики были окружены казаками и взяты в плен вместе со своей машиной.

– Пусть теперь знают во вражеской авиации, как воевать с казаками! – шутили терцы, наблюдая, как радуются вместе с ними местные жители.

А случай этот быстро разлетелся по войскам.

Казачам же пришел приказ вернуться в штаб.

Дозор выехал на бугор, и глазам открылась глубокая балка. Казачи потянулись по ней походной колонной. Одни уже выходили из балки, другие только входили. Усталые кони шли медленно, всадники покачивались в седлах. Глухо звякали стремена. Заходящее солнце поблескивало на ножнах шашек. В воздухе пахло конским потом.

– Давай, давай! Скоро привал, – подбадривал казаков Казей.

Казачи улыбались, отвечали шутками и спрашивали:

– А потом сколько еще добираться?

– Утро вечера мудренее, – отвечал им урядник. – Сегодняшние версты мы уже отмеряли.

Выбравшись из балки, отряд прибавил шаг. Не доезжая до указанного им хутора, притаившегося в вечерних сумерках, они свернули в сторону. Для ночевки им отвели хозяйственные постройки и дом, в котором уже успели похозяйничать отступавшие. Двери в доме были сорваны, оконные переплеты выбиты. В сараях пусто.

Стали размещаться. Кашевары стали готовить ужин, казачи устраивались на сеновале.

Никита с друзьями выбрал для себя комнатку, в которой, как видно, размещалась кладовка. Она уцелела. По крайней мере, есть дверь и окно заколочено досками.

Пожинали, выставили охранение и легли спать.

А утром их построили у штаба дивизии.

– Старший урядник Казей, – читал приказ комдив, – вы произведены в хорунжие. Поздравляю вас.

Он пожал руку Никите и трижды расцеловал.

Никиту обнимали и поздравляли офицеры, а потом и станичники, тоже получившие за этот рейд награды.

Полковник сам принес погоны и укрепил их Казею поверх унтер-офицерских. Казей сиял.

Подразделения дивизии тем временем занимали оборону. И вскоре приняли бой.

– Есть потери, и потери огромные, – делились между собой казачи.

– Кто бы мог подумать? После такого успешного наступления – такой удар!

Но война – школа быстрая.

После трех дней ожесточенных боев наступило затишье. Утром, когда все ждали возобновления вражеских атак, не раздалось ни одного выстрела. В наших окопах стали думать: не ушли ли немцы еще дальше. Четыре предыдущих отбитых атаки чего-нибудь им стоили, хотя и дивизия, и полк, к которому приданы казаки, понесли большие потери.

Немцы были не так уже и далеко. Но точное расположение и задачи противника были неизвестны.

Послали ночью казачий дозор. Возглавил его теперь уже хорунжий Никита Казей. Казаки добрались до гусарского секрета и спешили. Расспросили сторожевое охранение, что происходит впереди у врага, и стали думать, как действовать дальше.

Они знали, что сюда, на этот участок переброшены венгерские и австрийские части, но зачем и где они?

– Вон от того местечка их разведчики уже дважды пытались к нам пробраться, – показывая рукой, сообщил общительный гусар.

– Вот и хорошо. Спасибо, братцы! Попробуем сейчас перехватить кого-нибудь из них. В штабе ох как нужен язык! – поблагодарил гусар Кол од ей.

Никита поддержал его. Они оставили лошадей коноводам и стали пробираться к кустам, что росли по-над дорогой.

Луна то пряталась, то светила во всю мощь.

Только казаки заняли намеченную ими позицию, к кустам приблизились двое вражеских разведчиков. Чтобы не наделать шума, из решили действовать холодным оружием. Взмах кинжалом и один разведчик убит, а второго, раненого, они приволокли к нашему секрету.

Долговязый рыжий пленник был ранен в шею. Кровь текла обильно, проливаясь за воротник, залила погоны.

– Перевяжите ему рану, – скомандовал Казей.

И Лутай стал перевязывать пленнику рану.

– О, да это офицер! – сообщил он хорунжему.

– Неужели? – удивился Казей.

– Точно! – подтвердил Колодей.

Они стали внимательно осматривать пленника.

– Будто знал, что нам до зарезу нужен «язык», – суетился возле Лутая Колодей, помогая тому перевязывать раненого.

– А за «языка» положена награда, – просто сказал Лутай.

– Неужели получим награду? – Радовался Семен. – А то, может, дадут один орден на всех.

– Заканчивайте перевязку, – прервал их разговор Казей. – Давайте выясним, что за птица.

А сам вытаскивал из офицерской сумки полевую карту, где синим крестиком были помечены занятые противником города и местечки.

Пленный не поднимал головы. Губы его были плотно сжаты, словно для того, чтобы ничего не сказать. Из под бинта продолжала сочиться кровь.

Немец был уверен, что его расстреляют. Попытаются допросить – и в расход. Он зашевелился.

– С какой целью вы здесь оказались? – спросил Лутай первое, что пришло ему на ум.

Немец стал быстро-быстро что-то говорить. Но, видя, что его не понимают, умолк. Воспаленными глазами он тревожно и загнанно следил за каждым движением казаков, за выражением их лиц, словно стараясь угадать, кто из них его расстреляет.

– Моя твоя не понимает, – стали шутить казаки, следя за его реакцией.

А тот опять стал лопотать на своем языке. Но единственное, что поняли казаки: Ковель, Луцк.

– Что он там кудахчет про Ковель и Луцк? – спрашивали друг у друга казаки, но понять так и не смогли.

– Давай в штаб, срочно! – распорядился Казей. – Он знает что-то важное.

У немца дрогнули углы рта. Он взглянул на Никиту, потом перевел взгляд на его товарищей.

– Казак... Казак! – воскликнул он, видя, что расстреливать его никто не собирается. И снова стал быстро говорить по-немецки.

– Опять он что-то толкует, – сказал Лутай, на что Никита ответил:

– Ничего он не толкует. Он что-то важное знает, а мы не понимаем. Срочно к командиру его.

И они цепочкой быстрым аллюром поскакали в штаб.

В конце недели казаков ждала приятная весть. Их вместе с пехотным полком отвели в резерв армии. Полковой священник отслужил молебен. Идти на него не принуждали, но во всем полку не было ни одного человека, который бы не пошел. На открытом поле тысячи человек выстроились стройным прямоугольником, в центре его священник в золотой ризе говорил вечные и сладкие слова, служа молебен. Казаки вместе со всеми благодарили Господа за ниспослание благодати божьей христолюбивому православному воинству.

Никиту направили на офицерские курсы.

Глава IV

1

В той обстановке уже в конце декабря 1914 г. Главнокомандование Юго-Западным фронтом самостоятельно приступило к подготовке операции прорыва через Карпаты для вторжения в Венгрию.

Главная задача возлагалась на 8-ю армию генерала Брусилова, четыре корпуса которой, сосредоточившись на участке Дуклинского перевала до Балиграда, должны были наступать на Гуменное в венгерскую долину. Одновременно через Турку на Унгвар должен был двигаться один корпус с кавалерийской дивизией для отвлечения на себя части австрийских сил, а западнее левый фланг соседней 3-й армии генерала Радко-Дмитриева должен был содействовать армии Брусилова.

Но подготовка этой операции не укрылась от внимания немцев, и их командование решило прийти на помощь австрийцам. Для этого была образована Южная армия Лизингена на мункачском направлении с целью наступления на Стрый. Австрийцы также подтягивали к Карпатам все свободные войска. В конце января австрийцы и германцы перешли в Карпатах в наступление, желая предупредить маневр русских. Начавшееся одновременно наступление армии Брусилова привело к ряду трудных лобовых атак на горных перевалах в зимнюю стужу и продвигалось вперед крайне медленно.

Только в первых числах февраля правое крыло 8-й армии овладело участком Карпат на линии Конечна – Свидник – Мезо – Лоборч – Балиград. Юго-Восточнее русским, имевшим против себя 13–15 австро-германских дивизий, приходилось держаться оборонительно. Особенно настойчивы были германские атаки на мункачском направлении в районе горы Казювки. В Буковине русские вынуждены были отходить на Серет и далее к Днестру и Пруту.

Командующий фронтом Иванов обратился в Ставку с просьбой о подкреплении фронта свежими силами. Ему было отказано в связи с неустойчивым положением в этот момент на Северо-Западном фронте. Тогда пришлось прибегнуть к перегруппировке войск за счет частей Юго-Западного фронта с растянутого от р. Пилицы до Румынии участка этого фронта. С левого берега Вислы было переброшено на левый фланг Юго-Западного фронта несколько корпусов, образовавших 9-ю армию генерала Лечицкого, восемь пехотных и пять кавалерийских дивизий. Эта армия развернулась от Болехова до румынской границы, имея задачей атаку австро-германцев, наступающих от Мармарош-Сичета на Новодворную. Переброска 9-й армии закончилась к концу февраля.

Переезжать на новый фронт не всегда приятно. Потому что неверно представляют себе солдат бездомными – они привыкают и к сараю, где несколько раз переночевал и к ласковой хозяйке, и к могиле товарища. И вот казаки, снятые с насиженных мест, прибыли на новое место.

Белые облака, клубясь, тотчас же начали спускаться с неба, сгущаясь, приобретая очертания каких-то чудовищ. Облака, сгущаясь, превращались в ужасную серую фигуру, контуры которой пока еще были расплывчаты. Она заполняла лежащую перед казаками местность. Это мгновенно вызвало у всех оторопь. Им казалось, что они видят какое-то чудовище, и даже представили его лицо, острые уши и два торчащих друг возле друга рога. Но это продолжалось недолго.

– Творец наш Иисус Христос, ласкою и милосердием своим снизойди к нам, пошли свое святое слово, дай нам разум, защити нас, – произнес кто-то вслух слова молитвы.

Для казаков разум был высочайшей святыней, может быть, потому, что брошены они были в такие дебри жизни, где не было никакой святости.

О своей прошлой жизни вспоминать не любили, потому что жили надеждами на будущее.

Бога поминали, когда было неизмеримо тяжело, и забывали, когда становилось легко, хотя это бывало и весьма нечасто. Когда клялись, сомневаясь, вспоминали Бога еще чаще и осмотрительно сходили с места, чтобы гром кары небесной не поразил их.

Один из полководцев, желая узнать больше о казаках, с осторожностью спрашивал: «Имеют ли казаки что-либо общего с немецкими наемниками, или похожи на турецких янычар?» На это ему ответили, что казаки отличаются от всех, так как нет у них ничего от немецкой упорной машины военной, ни от янычарской жестокости – это и войны, и хлебоборбы, и рыбаки, любящие земные радости, веселые и певучие, хорошие ораторы и заводилы, впечатлительные, но и добродушные. Любят форму, но пренебрегают деньгами, идеалисты в отношении рода людского, но привередливые в отношении товарищества. Более же всего казаки не любят осторожничанья в жизни своей, в особенности же в военных поступках, каждый старается быть впереди всех, потому их с полным правом можно называть войском героев, и тут у них нет никакой разницы, все одинаковы – от атамана до рядового казака.

Казачьему полку была дана задача найти врага. Отступая, русские войска наносили немцам и австрийцам такие удары, что они местами отстали на целый переход, местами даже сами отступали. Теперь фронт был выровнен, отступление кончилось, надо было, говоря технически, войти в связь с противником.

Казачья полусотня под командованием Никиты Казея, как один из цепи разъездов, весело поскакала по размытой весенней дороге под блестящим, словно только что вымытым весенним солнцем.

Три недели они не слышали свиста пуль, музыки, к которой привыкаешь, как к вину, – кони отъелись, отдохнули, и так радостно было снова пытаться судьбу между красных сосен и невысоких холмов.

Справа и слева уже слышались выстрелы: это наши соседние разъезды натыкались на немецкие заставы. Перед терцами пока все было спокойно: порхали птицы, в деревне лаяли собаки. Однако продвигаться вперед было опасно. У них оставались открытыми оба фланга. Разъезд остановился, и Никита со взводом казаков решил осмотреть чернеющий справа лесок. Они рассыпались лавой и шагом въехали в лес. Заряженные винтовки лежали поперек седел, пашки были на вершок выдвинуты из ножен, напряженный взгляд каждую минуту принимал за притаившихся людей большие коряги и пни, ветер в сучьях шумел совсем как человеческий разговор, и к тому же на немецком языке.

Они проехали один овраг, другой – никого. Вдруг на самой опушке, уже за пределами назначенного им района, они заметили домик, – не то очень бедный хутор, не то сторожку лесника.

– Если немцы где-то поблизости, они засели там, – показывая рукой, громко сказал Казей.

У него быстро появился план карьером обогнуть дом и в случае опасности уйти опять в лес.

Он расставил людей на опушке, велел поддержать его огнем. Его возбуждение передалось и лошади. Едва он тронул ее ногами, как она помчалась, расстилаясь по земле и в то же время чутко слушаясь каждого движения поводьев.

Первое, что заметил Казей, заскакав за домик, были три немца, сидевшие на земле в самых непринужденных позах; потом несколько оседланных лошадей, потом еще одного немца, застывшего верхом на заборе, который заметил его. Он выстрелил на удачу и поскакал дальше. Казаки, едва он к ним присоединился, тоже дали залп. Но в ответ по ним раздался другой, более внушительный, винтовок в двадцать-тридцать по крайней мере. Пули засвистели над головой, защелкали о стволы деревьев. Казаки дали ответный залп и поспешили уйти из

леса. Когда они поднялись на холм уже за лесом, то увидели немцев, поодиночке скачущих в противоположную сторону. Выходило, они выбили казаков из леса, а казаки выбили их из засады. Они были квиты.

В два дня казачьи разъезды настолько разведали положение дел на фронте, что пехота могла начать наступление.

Казаки были у нее на фланге и поочередно занимали сторожевое охранение. Погода сильно испортилась. Дул сильный ветер и стояли морозы. Особенно было плохо в ту ночь, когда очередь дошла до терских казаков. Расставив посты, Никита, посиневший от холода, прибыл на главную заставу. В просторном доме с плотно завешенными окнами и растопленной печью было светло, тепло и уютно. Но едва он получил кружку чая и принялся сладостно греть об нее свои пальцы, есаул сказал:

– Казей, кажется, между вторым и третьим постом слишком большое расстояние. Поезжай, посмотри, так ли это, и, если понадобится, выстави промежуточный пост.

Он быстро допил чай и вышел. Взяв с собой проводника, уже бывавшего на постах, он выехал со двора. Казалось, что они окунулись в ледяные чернила, так было темно и холодно. Ехали ощупью. В поле было чуть-чуть светлее. По дороге проводник сообщил ему, что еще днем какой-то немецкий разъезд проскочил сквозь линию сторожевого охранения и теперь путается поблизости, стараясь прорваться назад. Только он кончил свой рассказ, как перед ними в темноте послышался стук копыт, и обрисовалась фигура всадника.

– Кто идет? – крикнул Никита и прибавил рыси. Незнакомец молча повернул коня и помчался от них. Они – за ним, предвкушая удовольствие привести пленного. Гнаться легче, чем убежать. Не задумываясь о дороге, скачешь по следам. Они уже почти настигли беглеца, когда он вдруг сдержал лошадь, и они увидели на нем вместо каски обыкновенную фуражку. Это был наш улан, проезжавший от поста к посту, и он, так же как и казаки его, принял их за немцев.

Посетив пост, где десяток полузамерзших казаков на вершине поросшего лесом холма несли службу, Казей выставил промежуточный пост в ложине и снова вернулся в дом. Там было так же тепло и уютно. Когда Никита опять принялся за чай, ему подумалось, что это – счастливейший миг в его жизни. Но, увы, он длился недолго. Три раза в эту проклятую ночь он должен был объезжать посты, вдобавок его обстреляли, – заблудившийся ли немецкий разъезд или так, пешие разведчики, он не знал. И каждый раз так не хотелось выходить из теплого дома от чая и разговоров на холод, в темноту под выстрелы.

Ночь была беспокойная. У казаков убили человека и двух лошадей. Поэтому все вздохнули свободнее, когда рассвело и можно было отвести посты назад.

Всей заставой во главе с есаулом казаки поехали навстречу возвращающимся постам. Никита уже почти съехался с последним из них, и ехавший навстречу Зазуля открыл рот, чтобы что-то сказать, когда из леса раздался залп, потом отдельные выстрелы, застучал пулемет, и все это по ним. Казаки бросились за бугор. Раздалась команда:

– Спешиться!

И казаки залегли по гребню, зорко наблюдая за опушкой леса. Вот за кустами мелькнула кучка людей в синевато-серых шинелях. Казаки дали залп. Несколько человек упало. Опять затрещал пулемет, загремели выстрелы, и германцы поползли на наших. Сторожевое охранение развертывалось в целый бой. То там, то сям из леса выдвигалась согнутая фигура в каске, быстро скользила между кочками до первого прикрытия и оттуда, поджидая товарищей, открывала огонь. Кажется, целая рота продвинулась к казакам шагов на триста. Казакам грозила атака, и они решили пойти в контратаку в конном строю. Но в это время галопом примчались из резерва еще две сотни и, спешившись, вступили в бой.

Немцы были отброшены обратно в лес. Во фланг им поставили пулемет, и он, наверное, наделал им много беды. Но они тоже усиливались. Их стрельба увеличивалась, как разгорающийся огонь. Казаки пошли было в наступление, но их вернули.

В бой вступила наша артиллерия. Торопливо рывкнули орудия, шрапнель с визгом и ревом неслась над головами казаков и разрывалась в лесу. Хорошо стреляют русские артиллеристы. Через полчаса, когда казаки снова пошли в наступление, они нашли десятки убитых и раненных, кучу брошенных винтовок и один совсем новый пулемет.

2

Весь март месяц прошел в непрерывных боях на левом фланге русской 3-й армии и на всем фронте 8-й армии. Здесь, на кратчайшем направлении из Венгрии к Перемышлю, с целью деблокады настойчиво наступали австро-германцы, неся ежедневно крупные потери.

Но 22 марта после шестимесячной блокады Перемышль пал. За три дня до сдачи гарнизонам его была предпринята решительная вылазка, войска были снабжены довольствием на несколько дней, что свидетельствовало о намерении их пробиться к своим. Вылазка была отражена блокадными войсками русской 11-й армии. Всего сдалось 9 генералов, 2500 офицеров и 120 тысяч солдат, взято свыше 900 орудий.

Падение Перемышля освободило 11-ю армию для участия в походе через Карпаты. Но ее корпуса были поделены между 3-й и 8-й армиями. Иванов отдал директиву, согласно которой обе названные армии, прорвав центр австро-германцев на фронте Уйгель – Чап, должны были выйти на Сатмар – Немети – Хуст, т. е. во фланг и тыл войскам, действовавшим против 9-й русской армии.

Австрийцы, разгадав замысел русских, обратились за поддержкой к Германии, и в конце марта был сформирован германский Бескидский корпус генерала Марвица в составе трех дивизий. Он был направлен к Мезо – Лаборгу. После длительных боев на главном Бескидском хребте к середине апреля корпусам 8-й и 3-й русских армий удалось овладеть главным гребнем этого хребта, но до выхода в Венгерскую равнину было еще далеко.

Кое-где пехота отбивала противника, вообразившего, что он наступает по собственной инициативе, кавалерия занималась усиленной разведкой.

Казачьему разъезду было поручено наблюдать за одним из таких боев и об его развитии и случайностях докладывать в штаб.

В один из дней хорунжего Казея с сопровождающим послали с донесением в штаб дивизии. Дорога лежала через местечко Мезо, но к нему уже подходили германцы. Никита все-таки сунулся: вдруг удастся проскочить, но ехавшие навстречу ему офицеры предупредили:

– Куда? Не проедете, – сказали они, – вон уже где палят.

За стеной крайнего дома стояли десять спешенных казаков. Они тоже предупредили:

– Не проехать вам, братцы!

И только хорунжий двинулся, защелкали выстрелы, запрыгали пули. По главной улице навстречу им двигались толпы германцев, в переулках слышался шум других. Казей поворотил, а за ним, сделав несколько залпов, последовали и казаки.

На дороге артиллерийский полковник, уже останавливавший Казея, спросил:

– Ну что, не проехали?

– Никак нет, там уже неприятель, – ответил Никита.

– Вы его сами видели?

– Так точно, сам.

Полковник повернулся к своим ординарцам и приказал:

– Пальба из всех орудий по местечку. Огонь!

И тотчас заговорила наша батарея.

Однако хорунжему Казею все-таки надо было пробраться в штаб. Разглядывая старую карту этой местности, случайно оказавшуюся у него, советуясь с товарищем, расспрашивая местных жителей, он кружным путем через леса и топи приближался к назначенной ему деревне. Двигаться приходилось по фронту наступающего противника, так что не было ничего удивительного в том, что при выезде из какой-то деревушки, где они, не слезая с седел, напились молока, им под прямым углом перерезал путь неприятельский разъезд. Он, очевидно, принял их за дозорных, потому что вместо того, чтобы атаковать их в конном строю, начал спешиваться для стрельбы. Их было десять человек, и казаки, свернув за дома, стали уходить. А те, поняв, что казаков всего двое, стали их преследовать.

В это время сбоку послышались выстрелы, и на Никиту карьером вылетели три казака – двое молодых, скуластых парней и один бородач. «Да это же наши соседи, станичники – котляревцы» – промелькнуло в голове у Казея, который узнал бородача.

– Певнев, ты? – выкрикнул он.

– Я, Никита Петрович, я! Узнал, чертяка?

Они столкнулись и придержали коней.

– Что там у вас? – спросил Никита у бородача.

– Пешие разведчики, с полсотни. А у вас?

– Десять конных.

Бородач посмотрел на Никиту, он – на него, и они поняли друг друга.

Несколько секунд помолчали.

– Ну, поедем, что ли! – запальчиво произнес бородач, а у самого так и зажглись глаза.

Скуластые парни, глядевшие на него с тревогой, довольно трянули головой и стали заворачивать коней. Едва они поднялись на только что оставленный холм, как увидели немцев, спускавшихся с противоположного холма.

Слух Казея обжег не то визг, не то свист, одновременно напоминающий моторный гудок и шипение большой змеи. Перед ним мелькнули спины рванувшихся казаков, и он сам, бросив поводья, бешено заработал ногами, только высшим напряжением воли вспомнив, что надо обнажить шашку. Должно быть, у них был очень решительный вид, потому что немцы без всякого колебания пустились наутек.

Гнали они отчаянно, и расстояние между ними и казаками почти не изменялось. Тогда бородач вложил в ножны шашку, поднял винтовку, выстрелил, промахнулся, выстрелил опять, и один из немцев поднял обе руки, закачался и, как подброшенный, вылетел из седла.

Через минуту казаки уже неслись мимо него. Немцы свернули круто влево, и навстречу казакам посыпались пули. Это они наскочили на неприятельскую цепь. Однако казаки повернули не раньше, чем поймали беспорядочно носившуюся лошадь убитого немца.

– Каськову пригодится, – говорили котляревцы, – у него вчера убили доброго коня.

Никита поддернул уздечку, придавил сапогами коня, и тот, прижав уши к голове, пошел наметом по раскисшей от дождей дороге. Никита, жалея коня, перевел его на шаг. Поднялся на стременах, еще раз осмотрел окрестность.

А потом он сидел в расположении котляревской сотни и вел беседу с земляками.

– Устал? – спросил его Певнев.

– И устал, и промок. Как выехал из штаба пошел дождь, и так всю дорогу за мной шел.

Выпили по рюмке, и он продолжил:

– Грязь везде. Вторые сутки бурку не снимаю.

– Надо же и в трудных делах побывать, не всегда же в тепле и сытости, – наверное, в шутку сказал котляревец, с интересом поглядывая на новые офицерские погоны Казея.

– Да уж, нам в дивизии расслабляться не дают, не знаю, как у вас?

– У нас тоже обстановка тяжелая. Не жалеют нашего брата, – отвечал уже серьезно Певнев.

– Да, немец огрызается серьезно, как бы не перешел в наступление, – заметил Казей.

– А у нас тут недалеко кабардинцы воюют, – вдруг вспомнил Певнев.

– Точно?

– Точно! В соседней дивизии. Их полк, оказывается, вместе с нами прибыл сюда.

– А я и не знал, – с удивлением ответил Никита.

– Кабардинцы – народ лихой. Настоящие джигиты. Отчаянные, черти, – как и мы, казаки. На всем скаку одним выстрелом подкову с лошадиного копыта могут сбить, – восторженно рассказывал станичник Казею. – Нас они тоже уважают.

– Я их знаю, – просто ответил Казей.

– Ну, тогда давай еще выпьем, для сугрева, – предложил Певнев и продолжил рассказывать:

– На днях тут жаркие были бои. Ждем мы со станичниками, когда немцы в наступление пойдут. Перед этим они два раза в атаку ходили, но мы сдюжили и отогнали их. И тут слышим: «Алла! Алла!» – кричат кабардинцы и бегут, без всякого понятия и воинского порядка. Одно у них хорошо: ни раненных, ни убитых своих они на поле боя не оставляют. Мало что басурманы, а не видел я, чтобы хоть одного бросили. Однако – глупы. Если передних расстреляют, они все равно лезут. Под пулями так и валяются, как колосья под серпом, а лезут.

– Так вы эту атаку отбили? – переспросил Никита у Певнева.

– Да, да! Слушай. Наутро, стало быть, они снова с силами собрались и поперли. Никогда не забуду, – он облизнул сухие губы и подергал ус, – живого места на поле боя не было, повсюду немцы, куда ни глянь – трупы.

Пока они разговаривали, одежда Никиты немного просохла, и надо было прощаться.

Расстались они за бугром, дружески пожав друг другу руки.

– Дай нам Бог здоровья, и мы встретимся. Вспомним еще не раз наш Терек, станицы, – горячо сказал Казей.

– Ладно, Петрович, мы ведь с тобой друзья навсегда, как полагается у нас, кавказцев, – кунаки?

– Конечно, да!

– Какой же ты, однако, молодец, Петрович. Рассуждения твои, твое жизнелюбие просто возродили меня. Я очень рад, дорогой друг.

– Спасибо тебе, твоим казакам! – сказал напоследок Никита, и они разъехались.

Штаб дивизии Никита с сопровождающим нашел только через несколько часов, и не в деревне, как они предполагали, а посреди лесной поляны, на низких пнях и сваленных стволах деревьев. Штаб туда отошел, оказывается, уже под огнем противника.

Громадные потери и утомление русских войск, которым приходилось, кроме боев с искусным противником, преодолевать непривычные для них свойства горного Карпатского театра боевых действий в зимнее время, при туманах и морозах на вершинах и распутице в долинах, задерживали наступление. К этим невзгодам нужно добавить все более возраставший недостаток артиллерийских припасов. При войсках оставалось на орудие не свыше 200 выстрелов, и улучшения в снабжении можно было ожидать не ранее поздней осени 1915 года. С таким ничтожным количеством боеприпасов бесполезно было вести операцию для выхода в Венгерскую равнину. По признанию Брусилова, он стал ввиду такого положения добиваться дальнейших успехов, наблюдая лишь за тем, чтобы держаться на занятых местах с возможно меньшими потерями.

Однако теперь Ставка уже сама торопила Иванова с продолжением «незаконченной операции», чтобы скорее выйти в Венгрию, так как положение русских войск 3-й и 8-й армий, глубоко втянувшихся в Карпаты, становилось рискованным. 6 апреля Иванов отдал дирек-

титу армиям, в которой указывалось: «Идея нашей операции в настоящее время состоит в том, чтобы, удерживаясь на наших флангах, выйти остальными войсками на линию Зборо – Варанно – Чап – Хальми и этим заставить противника очистить Заднепровье, ибо с выходом к Хусту прерывается лучшее железнодорожное сообщение Заднепровья с внутренними областями Австро-Венгрии».

Через несколько дней, когда русское наступление в Карпатах наткнулось на упорное сопротивление и германцы даже стали сами теснить 22 корпус армии Брусилова на направлении Мункач – Стрый, Иванов приказал 3-й и 8-й армии перейти к обороне.

К середине апреля стало очевидным, что Карпатская операция захлебнулась и что задача вторжения в Венгрию должна быть признана неосуществившейся. Операция, по оценке военных, оказалась мертворожденной. Она ослабила весь русский фронт и не привела к какому-либо оперативному успеху. Самый генезис операции был уродлив. Он возник в штабе фронта, был навязан верховному командованию, которое не находило нужным обеспечить всеми средствами выполнения задуманную Ивановым операцию. В процессе ее развития не раз менялось направление главного удара, уже после начала маневра производилась перегруппировка сил, австро-германцам представлялась возможность легко парировать удар.

Глава V

1

С самого начала войны обе коалиции развернули интенсивную дипломатическую борьбу за привлечение на свою сторону новых союзников.

Особое внимание уделялось странам имевшим важное стратегическое значение – Турции, Италии и балканским государствам (Болгарии, Румынии, Греции).

Особенно важно обеим коалициям было привлечь на свою сторону Турцию, за влияние на которую великие державы боролись еще задолго до 1-й мировой войны.

В борьбе за Турцию победу одержала германская дипломатия. 21 июля (3 августа) Турция объявила о своем нейтралитете, готовясь выступить на стороне Германии, чтобы осуществить свои давнишние захватнические планы на Кавказе. Турецкие вооруженные силы насчитывали в то время свыше 500 тысяч человек в составе 14 корпусов, сведенных в шесть армий.

1-я, 2-я, 5-я – в районе Константинополя.

3-я – в Турецкой Армении.

4-я – в Сирии и Палестине.

6-я – в Ираке.

Небольшие силы прикрывали побережье Красного моря.

Номинально верховным главнокомандующим считался Мухамед V, фактически же им был военный министр Энвер-паша. Начальником штаба турецкой армии был германский генерал Бронзарт фон Шелендорф.

Русская Кавказская армия насчитывала тогда свыше 170 тысяч человек при 350 орудиях.

В целом в начале войны наши силы были почти равны, но турки имели сильный резерв, которого у русских не было.

Правительство Турции с первых дней мировой войны не только заняло нейтральную позицию, но через русского посла Тирса предлагало даже союз с Россией. Однако Петербургу Турция нужна была вовсе не в роли союзницы, хотя бы самой смиренной и послушной. Там вообще нужна была не Турция, а Константинополь, а лучшим предлогом его занять была бы война с Турцией. С другой стороны, русско-турецкий союз отдавал бы в английские руки Богdadскую железную дорогу, стратегический подступ к Египту и Индии, чего Германия не могла допустить ни в коем случае.

Для Германии Турция представляла собой страну экономических и стратегических возможностей, давая, с одной стороны, надежду в будущем, после разгрома Сербии, воспользоваться ее сырьем, с другой стороны – открывая возможность организовать удары на Суэц, Египет и далее в северную Африку, что поставило бы в одинаково затруднительное положение англичан и французов. Англичане в этом случае могли быть лишены кратчайших путей на восток, а французы – африканского контингента для укомплектования своих колониальных войск, не говоря уже о том, что обоим союзникам пришлось бы отвлечь сюда значительные силы с западно-европейского театра войны. Общность сухопутной русско-турецкой границы на Кавказе давала возможность приковать сюда часть сил России за счет ее австро-венгерского фронта, в чем были весьма заинтересованы центральные державы.

При таких условиях, когда выступление Турции на стороне центральных держав оказалось желательным и для русского правительства, и для германского командования, 10 августа в турецких водах появляются германские крейсера «Гобен» и «Бреслау».

Столь своевременное появление в Константинополе этих германских военных кораблей, прорвавшихся в Дарданеллы благодаря нерадивости французского и английского командова-

ния на Средиземном море, объявивших блокаду проливов только после прихода туда крейсеров, казалось тем удобным предложением для войны с Турцией, за который ухватился русский министр иностранных дел Сазонов и который в то же время в борьбе партий в турецком правительстве за союз с Россией или за союз с Германией чашу весов перетянул в сторону Германии.

Уверенность в выступлениях Турции на стороне Германии становилась все очевиднее. Ясно было, что Турция воспользуется прибытием двух крейсеров для усиления своего – против русского устаревшего – черноморского флота.

Между тем интересы Англии и Франции были прямо противоположны интересам России, не говоря уже о том, чтобы отдать эти проливы безоговорочно. Россия совершенно не входила в их программу.

Все эти и другие соображения диктовали Турции линию внешней политики, состоящую в выжидательном образе действий, не упуская возможности усилиться в военном отношении.

Неудачный для французов исход пограничного сражения и победоносное наступление германцев вселяло в турецкое правительство веру в окончательный успех в войне Германии, и Турция почти открыто перешла на сторону Средних держав и назначила немецких адмиралов командующими: одного – турецким флотом, а другого – комендантом дарданельских укреплений.

Англичане были вынуждены отозвать своего адмирала Люмпуса, который до этого времени вел инструктаж в турецком флоте.

В середине октября в выступлении Турции уже не было сомнения, так как стало известно, что турецкое правительство подписало протокол, коим обязывалось к немедленному вооруженному выступлению, как только оно получит в счет обещанного пособия от Германии два миллиона фунтов золотом. В ночь на 29 октября два турецких миноносца вошли в одесскую гавань и потопили русскую подлодку. «Гебен» бомбардировал Севастополь, а крейсер «Бреслау» с еще одним крейсером обстреляли Новороссийск, Феодосию, заминировали Керченский пролив и потопили несколько судов.

Не посоветовавшись со своими союзниками, Россия объявила войну Турции. Русский посол покинул Константинополь, а англичане и французы еще надеялись сохранить нейтралитет Турции, но вынуждены были посчитаться с уже свершившимся фактом. 1 ноября английский и французский послы также покинули Константинополь.

3 ноября последовала первая, как ее называют англичане, демонстративная бомбардировка фортов Дарданельских проливов, показавшая туркам всю слабую сторону их защиты.

С этого времени они решительно приступили к укреплению проливов под руководством германских инструкторов, используя всю наличную пригодную для этой цели материальную часть.

12 ноября Турция объявила войну Англии, Франции и России. Таким образом, через 3 месяца после начала войны Турция стала также одним из театров военных действий с ее многочисленными фронтами: Кавказским, Персидским, Палестинским, Сирийским и Галлополийским.

Антанта немедленно реагировала на выступление Турции переходом русскими войсками турецкой границы на Кавказе, бомбардированием Дарданельских фортов, занятием английскими войсками в Персидском заливе Басры и других мест, а позднее, 17 декабря, объявила Турции войну.

2

Первоначальной задачей русской Кавказской армии было поставлено следующее: Сарыкамьшскому и Ольгинскому отрядам (главная группа) – наступать на Эрзерум. Эриванскому

отряду, пройдя малодоступный с неразработанными перевалами пограничный хребет Агрыдаг, овладеть Баязетом, Алашкертом и Каракилисой. Остальным отрядам прикрывать границу.

В станицах Терского казачьего войска был объявлен очередной призыв казаков на Турецкий фронт.

В станице Пришибской по обычаю казаки собрались на площадь перед церковью. Старые – в полной форме, с шашками на боку, держат себя степенно, беседуют тихо, обдумывая каждое слово. Среди молодых – шум, перебранка, толкотня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.